

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Организационные формы.

В главе первой настоящей работы, на стр. 17—19, была сделана общая постановка проблемы об организационных формах в горной и горно-заводской промышленности горного юга.

Несомненно, старейшей и наиболее значительной из этих форм являются Съезды горнопромышленников юга России, история возникновения и развития которых была изложена в первом томе настоящей работы, на стр. 367—391.

Как было там отмечено, основные моменты организации Съездов горнопромышленников юга России в значительной степени определились в эти первые годы их существования.

Последующая история этой старейшей организации южных горнопромышленников представляет нам картину ее развития в различных отношениях и направлениях. Здесь перед нами выступает количественный рост этой организации, усиление ее значения в экономической, общественной и даже политической жизни страны, дифференциация ее функций и, наконец, обозначившийся процесс ее перерождения под влиянием изменяющейся структуры промышленности.

Конечно, нет никакой возможности сколько нибудь обстоятельно и исчерпывающе провести характеристику этого вопроса: для одной этой темы понадобились бы целые томы ⁽¹⁾.

Поэтому в настоящей главе будут затронуты лишь основные этапы развития этого вопроса.

Как уже было указано выше, основной причиной возникновения Съездов горнопромышленников юга России было прежде всего стремление разрешить железнодорожный вопрос в горной промышленности. Органом, отвечавшим этой потребности, являлась комиссия выборных, учрежденная в 1878 году и в 1888 году передавшая часть своих функций правительственному учреждению—Комитету по вывозу минерального топлива ⁽²⁾.

Остальная часть представительных и административных функций комиссии выборных перешла к Совету Съезда горнопромышленников юга России, учрежденному в 1892 году.

¹⁾ Напомним, что «Краткий очерк Съездов горнопромышленников юга России» изданный в 1908 г., содержит 173 страницы.

²⁾ Об этом Комитете будет сказано ниже.

Согласно § 19 «Положения о Съезде», Совет Съездов учреждается «для объединения и согласования деятельности всех должностных лиц, избираемых горнопромышленными Съездами, для заведывания хозяйством и суммами, как принадлежащими Съездам, так и ассигнуемыми ими на разные потребности, а равно для ведения дел, возникающих в промежутки времени между Съездами».

Таким образом, в лице Совета Съезда, Съезды горнопромышленников юга России получили свой постоянный представительный орган. Одновременно с этим, однако, существовал институт уполномоченных Съезда, к обязанности которых относилось возбуждение и поддержание перед правительством ходатайств о тех или иных мероприятиях по отношению к южной горной и горнозаводской промышленности.

В этом пункте создавалась трещина в представительном и исполнительном аппарате Съездов горнопромышленников юга России: уполномоченные Съезда, имевшие право непосредственного (минуя Совет Съезда) отчета и доклада Съезду, претендовали на право иметь самостоятельную политику, независимую от политики Совета Съездов.

Пока социальная жизнь развивалась не особенно сильно, это противоречие находилось в полускрытом виде. Однако, по мере осложнения и интенсификации общественно-политической и хозяйственной жизни, создавалась необходимость частых, чуть ли не повседневных сношений с аппаратом правительственной власти в Петербурге. Уполномоченные Съезда, обыкновенно, жившие в Петербурге, в значительной степени отрывались от понимания экономических интересов Донецкого Бассейна, но зато находились в курсе и в кругу тех сфер, которые делают политику, и им были хорошо известны вопросы высокой финансовой, банковской и т. п. политики.

Такая двойственность в течение долгого времени создавала шероховатости в рабочих исполнительных органах Съезда. Конечно, положение еще более осложнилось в 1905 году, когда Государственная Дума и Государственный Совет (где южные горнопромышленники имели своих представителей) потребовали новых форм и приемов представительства и работы чисто петербургского типа.

Таким образом, «методологическую» (если можно так выразиться) сторону вопроса о представительном аппарате Съездов горнопромышленников юга России можно изобразить в такой схеме. 1) период до 1892 года — представительство через комиссию выборных и институт уполномоченных 2) период до 1905 года — выступление Совета Съезда, как представительного аппарата. Комиссии выборных нет, но противоречие между Советом Съезда и уполномоченными Съезда затухает, в значительной степени, благодаря моменту персонального характера: давлению личного значения горняк Н. С. Авдакова, который не встречает со стороны Совета Съезда противодействия, как уполномоченный, а с 1900 года становится председателем Совета Съезда, оставаясь в то же время уполномоченным 3) период после первой революции: противоречие развивается, т. к. пульс общественной

жизни начинает биться сильнее как на месте так и в Петербурге. Авдаков, как председатель Совета Съезда, должен уступить свое место Н. Ф. фон-Дитмару, который становится председателем Совета Съезда в 1906 г., в то время как Авдаков, оставаясь уполномоченным Съезда, делается членом Государственного Совета и официально становится во главе синдиката «Продуголь».

Возникновение синдикатов «Продуголь» и «Продамета» внесло дифференцирующее начало в область Съездов горнопромышленников юга России. Эти синдикаты, особенно «Продуголь», конечно, являлись проводниками сепаратной политики на Съездах. Особенно это сказалось в вопросе о пересмотре Положения о Съездах горнопромышленников юга России и о разрешении цензового вопроса при участии на Съездах. Здесь синдикатские фирмы (под руководством горн. инж. Я. Д. Прядкина)¹⁾ настаивали на политике повышения цензового модуса и предоставления крупным предприятиям повышенного представительства на Съездах, соответственно значению крупной промышленности.²⁾ Лозунгом мелких и внесиндикатских фирм было: борьба за «общественность на Съездах и противодействие синдикатским течениям в промышленности.

Натиск на Совет Съезда был произведен не только со стороны крупных и синдцированных предприятий. На местах, в Донецком Бассейне, стали образовываться т. н. районные комиссии, которые являлись органами Совета Съезда на местах и должны были выражать интересы этих районов. Однако, совершенно естественно, такая организация способствовала процессу дифференциации, и географический принцип в данном вопросе осложнился другим началом: районы, охватывающие одинаковые отрасли промышленности, стали объединяться в центре, в Харькове, в особые «Комиссии» которые считались существующими при Совете Съезда горнопромышленников юга России, но в сильнейшей степени были связаны с сепаратистическими интересами своих районов и своих отраслей промышленности. Особенно интенсивно развивала работу в этом направлении антрацитовая комиссия, объединявшая антрацитовые районы и отражавшая в своей работе недовольство антрацитопромышленников тем «засилием» угольщиков, которое наблюдалось и на Съездах, и в промышленности, на рынке.³⁾

1). Он в последствии занял очень видное положение при Деникине.

2). «Краткий очерк истории Съездов горнопромышленников юга России» (стр. 17) иллюстрируем этот вопрос такой табличкой:

	Добыча млн. топлива	
	1876 г.	1905 г.
	тыс. пудов	
Крупные предприятия (с год. добычей 3 м. пуд. и выше).	14.623	692.602
Остальные предприятия	48.829	103.328
Итого	63.452	795.930

3). По старому модусу, выпавшему в конституцию Съездов, именно антрацитовый Грушевско-Власовский район имел право выдвигать своего выборного на Съездах.

Возникали даже проекты создать Совет Съезда по типу представительства районов. Правда, дело так далеко не пошло, но все же сепаратистические тенденции в последнее время очень сильно одолевали Съезды и Совет Съезда, который включал в свой состав всех должностных лиц, выбиравшихся Съездами, и, в силу этой громоздкости и разнообразия охватываемых им интересов, все чаще и чаще принужден был выступать с резолюциями в достаточной степени безсодержательными или сводящимися к представлению правительству всех мнений, высказанных при обсуждении данного вопроса.

Впоследствии, при второй революции, у Съездов и у Совета Съезда нашлась определенная работа, сплотившая вокруг него все районы и оттенки интересов: борьба за влияние на власть и, особенно, борьба с рабочими. Однако и этот момент (правда, очень кратковременный) способствовал очень скоро дальнейшему расколу Съезда, вместо которого стали возникать профессиональные союзы различных отраслей горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна.

Однако, изложение этой темы относится к следующему тому.

Чтобы покончить с организацией Совета Съезда, можно отметить, что, кроме названных выше комиссий, конечно, в составе Совета Съезда были постоянные комиссии технического характера, о которых, равно как и о прочем техническом аппарате Совета Съезда, мы говорить не будем.

Тенденции дифференцирующего характера, возникавшие внутри промышленности Донецкого бассейна, конечно, ослабляли энергию и работоспособность Съездов и Совета Съезда. Ограничения его значения создавались также и вне области промышленности Донецкого бассейна, вместе с возникновением других «представительных по промышленности и торговле организаций» (употребляя официальный термин того времени), а также благодаря профессиональным организациям промышленников, возникавшим после первой революции.

Здесь прежде всего следует назвать петербургский Съезд представителей промышленности и торговли. Эта организация, возникшая вместе с Государственной Думой и Государственным Советом, приобрела центральное положение в деле проведения политики промышленности и торговли перед петербургскими органами. Перед нами в виде этой организации встает также «ходатайствующая» по преимуществу промышленность, но промышленность, организованная по новому типу. Те приемы, которые характеризовали старый Съезд горнопромышленников юга России, докладные записки, собрания промышленников, выносящие резолюцию и т. п., — осложнились новыми методами, где серьезное внимание уделено систематической обработке общественного мнения не только в специальных, но также и в общих периодических изданиях, кустарное воздействие на влиятельных лиц и т. п. Конечно, эти методы были не чужды и Съездам горнопромышленников юга России, но особенно подчеркнутое значение они приобрели в этой молодой петербургской организации промышленников.

Во главе ее стоял все тот же горн. инж. Авдаков, представлявший некоторым образом «фирму» в этом деле, но фактическим вдохновителем всех работ был управляющий делами Совета Съездов представителей промышленности и торговли горн. инж. А. А. Вольский *). Конечно, возникновение такой «современной» и живой организации в петербургском центре должно было соответственным образом отразиться на работе Съездов горнопромышленников юга России. Политику делал Петербург, и политика промышленности вообще, в частности (в значительной степени)—горной промышленности юга России сосредоточивалась в Петербурге, где находились многие правления горнопромышленных предприятий и во всяком случае проживали их заправилы.

Те отрасли южно-русского горного дела (каменноугольная и металлургическая промышленность), которые имели обще-русское значение, конечно, очень интересовали петербургский Совет Съездов, и на этой почве намечалась определенная группа конфликтов южного горнопромышленного Совета Съездов и петербургского Совета Съездов представителей промышленности и торговли.

Кроме названной выше организации, к деятельности харьковского Совета Съездов имели отношение: московское и петербургское общества фабрикантов и заводчиков, одесская организация промышленников, Съезд фабрикантов сельско-хозяйственных машин и орудий и московский биржевой комитет**).

Московское и петербургское общества фабрикантов и заводчиков имели определенный уклон в направлении немецких *Arbeitergeberverbände*, и существенной стороной их деятельности была борьба с рабочим движением. Поскольку эти настроения (до революции 1917 года) были довольно далеки от основной линии интересов Съездов горнопромышленников юга России и их Совета Съезда—постолько в работе трех названных организаций было немного точек соприкосновения.

Одесская организация, окрашенная экспортными интересами Одессы, также мало интересовала организацию южных горнопромышленников, правда за исключением тех случаев, когда одесситы пытались втянуть в сферу своего влияния некоторые группы южной горной промышленности. Эти попытки были, однако, несерьезны и скоро окончились без результатов.

Московский Биржевой Комитет сохранял в своей работе некоторую старомодную солидность, и попытки Коновалова и Рябушинского все же не могли изменить основного тона работ Московского Биржевого Комитета***), т. ч. названные выше московские новаторы принуждены были

*) Общественно-промышленная физическая горн. инж. Вольского прекрасно образованности и его докладе четвертому очередному Съезду представителей промышленности и торговли «Экономическо-финансовая политика России».

**) Конечно, здесь затронуты лишь главные моменты данного вопроса.

***) Это, конечно, соответствовало основному характеру Московской промышленности мало захваченной влиянием иностран. капитала, банков и процессов акционирования, промышленности.

перенести свою деятельность в Петербург, в законодательные учреждения, отчасти даже—в названную выше петербургскую организацию промышленности и торговли.

Съезд русских фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий являлся чем-то средним между „представительным по промышленности и торговле учреждением“, закупочным синдикатом и отчасти даже работодательским союзом типа немецких *Arbeitergeber verbände*. Идея этого Съезда в значительной степени обязана своим возникновением Съездам горнопромышленников юга России, но впоследствии интересы этих двух организаций далеко не всегда совпадали, поскольку фабриканты сельскохозяйственных машин и орудий являлись потребителями южного металла, а следовательно до известной степени антагонистами значительной части южных горнопромышленных Съездов, причем этот антагонизм особенно был подчеркнут политикой „Продаметы“ по отношению к ее товарам, в ущерб потребителям.

Оставляя в стороне другие организации промышленников, имеющие отношение к Съездам горнопромышленников юга России, перейдем к беглой характеристике учреждений, существовавших при Съездах горнопромышленников юга России и с ним связанных. Конечно, при этом, за недостатком места, придется остановиться лишь на главнейших из этих учреждений.

Здесь прежде всего заслуживает упоминания интересная организация, созданная Съездами горнопромышленников юга России в 1884 году—*Общество Пособия горнорабочим на юге России*.

Согласно уставу, это Общество имело целью оказывать помощь и попечение семействам рабочих, лишившихся жизни на заводах и рудниках, вследствие особых несчастных случаев, и оказывать пособие тем из горнорабочих заводских мастеровых, которые, получив увечья или потеряв здоровье и силы на упомянутых работах, лишились средств к пропитанию как себя, так и своих семейств.

Характер этого учреждения представляется несколько спорным, но правильнее считать его учреждением благотворительного типа, не возлагающим на предпринимателей определенной денежной ответственности. Как было высказано в комиссии XXIV Съезда горнопромышленников юга России (1899 г.), под председательством Л. Г. Рабиновича, помощь, оказываемая этим обществом рабочим и их семьям, „недостаточна, весьма неодинакова по размерам и способом, носит характер случайный, неопределенный и необязательный, а иногда пострадавший не получает никакой помощи“. Такая неопределенность организации этого учреждения являлась одной из причин той кампании, которая, с конца девяностых годов, была начата и проведена на Съездах горнопромышленников юга России в пользу преобразования этого Общества Пособия горнорабочим в более определенную и оформленную организацию—Общества Взаимного Страхования горнозаводских предприятий юга России от несчастных случаев с рабочими и служащими“. Однако, и это Общество осуществлено не было.

Как известно, 2 июня 1903 г. был издан закон „о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности“, возложивший на предпринимателей серьезные финансовые обязанности по обеспечению увечных рабочих *). Поскольку этот закон нормировал в общем, публично-правовом, принудительном порядке взаимоотношения между увечными и предпринимателями, постольку соответствующие функции отошли от Общества Пособия горнорабочим. Однако, принимая во внимание, что инвалиды труда не вследствие увечий оказались вне защиты закона 2 июня 1903 г., на Общество Пособия горнорабочим была возложена задача оказывать им помощь.

Согласно постановлению XXIX С'езда горнопромышленников юга России (1904 г.) было ассигновано в распоряжение Общества Пособия 20.000 рублей на выдачу ежемесячных пособий инвалидам труда не из числа получивших увечь,

принимая во внимание, что из числа горнорабочих весьма многие, работав продолжительное время, лишились трудоспособности, вследствие неблагоприятных условий подземных работ, по закону 2 июня 1903 г. не пользуются в этом случае правом на вознаграждение за потерю трудоспособности.

Крайняя мизерность приведенной цифры свидетельствует о том, что в данном случае дело идет не о серьезной помощи инвалидам труда, как определенной социальной категории, а о самом банальном акте филантропии.

Кроме этого, Общество Пособия горнорабочим, с изданием закона 2 июня 1909 г., было призвано, согласно постановлениям С'ездов горнопромышленников, выполнить другую работу, оставленную вне норм этого закона: оно должно было, по постановлению XXVIII С'езда горнопромышленников юга России, производить расходы из фонда обеспечения предприятий при массовых несчастных случаях, так как массовые несчастные случаи не подходили под действие закона 2 июня 1903 года.

Рассматривая работу Общества Пособия горнорабочим следует признать, что это Общество не имело крупного и принципиального значения. Помощь, им оказываемая, была незначительна по своим размерам, случайна, лишена публично-правового социального базиса и носила все черты типичной филантропической организации. Недовольство таким положением дела со стороны известной части горнопромышленников вызвало некоторые постановления южных горнопромышленных С'ездов в направлении создания Обществ взаимного страхования, но эти постановления немедленно встречали на С'ездах горнопромышленников существенные ограничения, т. е. можно, например, с уверенностью сказать, что история Общества Пособия горнорабочим юга России не оказала почти никакого влияния на создание страховых товариществ.

*) Подробнее обо всем этом будет сказано в одной из дальнейших глав, посвященной вопросу о рабочих.

В числе других учреждений, созданных Съездами горнопромышленников юга России, можно назвать *Харьковскую каменноугольную и железоторговую биржу*, открытую в 1902 году.

Согласно ст. 1 устава биржи, она есть „сборное место для сношений и сделок по всем оборотам торговли продуктами каменноугольной, железорудной и железоделательной промышленности и для получения необходимых по оным сведений“.

Членами биржи могут состоять владельцы, арендаторы горных и горнозаводских предприятий, торговцы продуктами этих предприятий и потребители этих продуктов, выбравшие соответствующие промысловые свидетельства“.

Работа Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи не играла существенной роли в жизни горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна. Достаточно вспомнить сильный и развитый аппарат Совета съезда горнопромышленников юга России, чтобы понять, что рядом с ним биржевой комитет не мог иметь существенного значения. Впоследствии иронически говорили, что биржа оказала услугу горной промышленности лишь тем, что помогла известному горн. инж. Н. С. Авдакову попасть в Государственный Совет в качестве выборщика именно от Харьковской каменноугольной биржи.

С образованием синдиката „Продуголь“ Харьковская каменноугольная биржа совершенно подпала под власть этого синдиката, причем на ответственных постах, во главе биржи, стояли руководители „Продуголя“, Н. С. Авдаков и И. А. Кнотте. Положение дела несколько изменилось в военное и послевоенное время, когда при деквалификации промышленности вообще и горной и горнозаводской промышленности юга России в частности несколько усилилось (относительно) значение мелкой и средней промышленности и стала явственнее, чем прежде, обнаруживаться рознь между нею и крупной промышленностью.

В этот период (хронологически выходящий за пределы настоящего тома) Харьковская каменноугольная и железоторговая биржа начала как будто эмансипироваться от „Продуголя“ и Совета съезда горнопромышленников юга России. Однако этот период был непродолжителен, и отмеченный выше факт не оказал сколько-нибудь серьезного влияния на южную горную и горнозаводскую промышленность.

Наконец, в ряду тех учреждений, которые нас сейчас интересуют, следует назвать *Общество взаимного кредита горнопромышленников юга России*. Это Общество, начавшее функционировать в 1881 году, возникло по инициативе Съездов горнопромышленников юга России и при их материальной поддержке. Однако, в дальнейшем это Общество уклонилось от своей первоначальной цели, имевшейся в виду при его учреждении*) и пре-

*) Следует указать, что цель эта в уставе Общества была определена в общей форме: „доставлять состоящим его членами лицам возможность выгодно помещать их сбережения и получать в ссуду необходимые для торговых и промышленных оборотов капиталы“.

вратилось в простое Общество взаимного кредита, безо всякого отношения к задачам южной горной и горнозаводской промышленности.

Чтобы закончить эту и без того затянувшуюся характеристику южных горнопромышленных С'ездов и их представительных органов, скажем несколько слов по вопросу о бюджете С'ездов и их уставе—Положении о С'ездах горнопромышленников юга России.

Расходы по первым трем С'ездам были покрыты путем подписки среди его членов. На третьем С'езде в 1879 году был установлен попудный сбор с каменного угля, перевозимого по железным дорогам, в размере $\frac{1}{15}$ коп. с пуда—правда, в формулировке С'ездов цель этого сбора определялась очень узко, а именно „для вознаграждения выборных от углепромышленников и других потребностей практического применения Положения о выборных“.

Однако, с того времени идея попудного (а потом повагонного) обложения горнопромышленников на содержание С'езда и его учреждений привилась и стала постепенно расширяться. На X С'езде был установлен повагонный сбор с соли, на XVII С'езде—с изделий металлург. заводов, на XXIV С'езде—с руды и флюсов.

Система этих сборов отличалась чрезвычайной сложностью и запутанностью, а юридическая природа этих сборов вызвала немало толков и разногласий.

Дело в том, что в Положении о С'ездах горнопромышленников юга России эти сборы были названы добровольными. Отсюда некоторые члены С'езда (преимущественно, крупные каменноугольные фирмы и металлургические заводы*) делали заключение, что добровольный характер этого сбора делает уплату его факультативной для каждого горнопромышленника. Наоборот, точка зрения Совета С'езда горнопромышленников юга России в этом вопросе состояла в том, что термин „добровольный“ по отношению к повагонному сбору означает лишь право пленума С'езда принять или не принять этот сбор, но как только этот сбор принят общим собранием С'езда—он становится обязательным для каждого отправителя. При такой интерпретации ссылались на практику некоторых других С'ездов, напр., С'ездов бакинских нефтепромышленников, на которые закон возлагал некоторые определенные обязанности, почему эти С'езды обязаны были устанавливать сборы на выполнение этих обязанностей уже не в порядке добровольном, а принудительном, обязательном.

Трудно сказать, какая из этих версий является юридически более обоснованной. Очень может быть, что если бы дело дошло до суда, восторжествовала бы первая точка зрения (о добровольности сборов для каждого отдельного горнопромышленника, а не для всего С'езда в целом).

Однако, факт тот, что дело до суда никогда не доходило, хотя угрозы в этом смысле раздавались со стороны некоторых крупных горнопро-

*) Которым приходилось платить значительные суммы в виде таких сборов и в то же время пользоваться правом голоса на С'ездах далеко не в полном соответствии с уплаченными суммами.

мышленников*). Причиной этого, повидимому, надо признать тот факт, что никто всерьез не хотел разваливать**) С'езды, т. к. эта организация была, в общем, несомненно, полезной для горнопромышленников. Кроме того, необходимо также иметь ввиду, что Харьковский горнозаводской Комитет—правительственная организация, распределявшая вагоны для перевозок горнозаводских грузов—также питался средствами, собиравшимися путем взносов, устанавливаемых С'ездами горнопромышленников юга России, т. ч. лишение юридической силы этих сборов подорвало бы значение того учреждения, которое распределяло вагоны для горнозаводских грузов, т. е. выполняло функцию, чрезвычайно необходимую для южной горной промышленности.

Такова была та сложная цель причин и взаимоотношений, которая предохраняла организацию С'ездов горнопромышленников юга России от подводных камней и внутренних противоречий, связанных с органической природой самих С'ездов.

Это явление особенно резко проявилось в борьбе за ценз на С'ездах горнопромышленников юга России.

До восьмого С'езда горнопромышленников юга России (1883 г.) вопрос об избирательном цензе на общих собраниях С'ездов совершенно не поднимался. На этом С'езде впервые был поставлен данный вопрос, и, после горячих прений в комиссии и на пленуме, был разрешен положительно.

Однако, необходимо отметить, что правительство было настроено отрицательно к установлению ценового налога на С'ездах: правительству важно было, исходя из представления о С'ездах, как совещательной организации, иметь возможность выслушать на С'езде *все* мнения. Поэтому вопрос о цензе долго не разрешался, и, лишь после повторных ходатайств С'ездов, на XII С'езде горнопромышленников юга России (1887 г.) было доложено утвержденное правительством «Положение» о С'ездах, устанавливающее избирательный ценз в размере 250 вагонов железнодорожных отправок горнозаводских грузов в течение года.

Этот избирательный модус просуществовал без изменений более 10 лет, и лишь на XXIII С'езде была установлена новая, дифференцированная норма избирательного ценза на следующих основаниях: право одного голоса давала ежегодная отправка 250 вагонов, двух голосов—1000 вагонов, 3-х голосов—4000 вагонов. Больше 3-х голосов никто не имел права получить ни лично, ни по доверенности.

Право голоса на изложенных основаниях имели собственники и арендаторы каменноугольных и соляных копей, рудных разработок, металлургических заводов и других горнозаводских предприятий, или их поверенные и представители обществ, товариществ и компаний.

*) Напр. руководители Южно-Русского Днепровского металлургического общества, инж. И. И. Ясюковича.

**) Потому что перевод С'ездов на добровольное финансирование, совершенно очевидно, означал бы развал С'ездов, при громоздкости, разнокалиберности его организации.

Голосование по цензовому принципу имело значение при выборах должностных лиц Съезда, а также при решении денежных и хозяйственных вопросов; во всех прочих случаях в голосовании могли, по действующему Положению о Съездах, принимать участие все участвующие на Съезде представители земств, городов, железных дорог, правительственных учреждений, других промышленных организаций, ученых обществ и т. д. Практика не вполне совпадала с такой широтой „демократического“ принципа, но была довольно близка к такому порядку голосования на Съездах.

Избирательный ценз, установленный на XXIII Съезде горнопромышленников юга России (1898 г.), не подвергался изменениям во всей последующей истории Съездов горнопромышленников юга России, несмотря на то, что на Съездах шла очень ожесточенная борьба около этого вопроса, особенно после того, как с'организовавшиеся «Продуголь» и «Продамета» пытались захватить власть и влияние на Съездах.

Этот вопрос ставился на целом ряде последующих Съездов, очередных и экстренных, причем речь шла о повышении цензовых норм, об их дифференцировании и об изменении самой системы — не по количеству отправок, а по добыче, числу рабочих и т. п. Очень горячие прения, с крайним напряжением избирательной борьбы, с оставлением заседания ввиду протеста *) и т. д., однако, не привели к определенному результату. Оппоненты «Продуголя», мелкие и средние промышленники, пускали в ход аргументы о синдикатской засилии, о давлении иностранного капитала и т. д. — все те аргументы, которые были столь неудобны для синдиката в то время, особенно в связи с кампанией, поднятой против него в московских газетах («Русское Слово», «Утро России», статьи проф. Гольдштейна), в связи с судебным процессом против «Продуголя» в 1912—1913 г.г. и последующим началом против него уголовного дела. **) В такой обстановке было нетактично обострять спор между крупной и мелкой промышленностью на самом «горнопромышленном парламенте», на Съездах горнопромышленников юга России, где слишком разгорячившиеся оппоненты с открытой трибуны пленарных заседаний горнопромышленных Съездов могли наговорить много неприятных истин по адресу представителей синдикатских интересов.

Съезды горнопромышленников юга России, ко времени обострения интересов крупной и мелкой промышленности, развились в столь значительную организацию, притом снабженную аксессуарами общественности, что ее далеко не всегда было удобно задевать представителям иностранного капитала и синдикатских интересов.

Наша характеристика „представительных“ органов горной и горнозаводской промышленности юга России подвела нас к проблеме синдикатов в горной и горнозаводской промышленности Донецкого Бассейна, предста-

*) Эта борьба иногда руководилась представителями иностранного комитета (напр. Grüner'ом), приезжавшими из Парижа в Харьков на Съезды горнопромышленников.

**) Об этом подробно будет сказано ниже.

вленных двумя крупнейшими (для русских условий) организациями синдикатского типа — „Продуголем“ и „Продаметой“, неоднократно нами упоминаемыми в предыдущем изложении.

Эти синдикаты относятся к группе Verband, по классификации Лифманно, в то время как Съезды горнопромышленников юга России были отнесены нами к группе типа Verein, по той же классификации. История монополистических объединений промышленности учит нас, что объединения общего характера являются необходимой предпосылкой возникновения коммерческих организаций синдикатского типа — и у нас и за границей.

Так, в Германии первые попытки к объединению каменноугольных копей относятся к 18 столетию. Далее в 1858 году возник Союз горнопромышленников Дортмундского округа, потом возникает целый ряд „угольных клубов“ в Дортмунде, Эссене и др., где поднимался вопрос о правильной постановке промышленности, и лишь после такой длинной предварительной стадии развития, такой Vorgeschichte, в 1893 г. возник Рейнско-Вестфальский угольный синдикат в своей первоначальной форме*).

Точно по такому же типу строится возникновение наших синдикатов „Продуголя“ и „Продаметы“. Они возникали на Съездах горнопромышленников юга России, в результате обсуждения на этих Съездах интересов промышленников.

Другой момент, который также характеризует историю синдикатов вообще и который выступает также в историю наших южных горнопромышленных синдикатов — это роль объединений потребителей в деле возникновения синдикатов-производителей.

У нас это потребительское объединение, стимулировавшее образование синдикатов, выступает в виде казны, как потребительница топлива и металлов.

Один из наших апологетов синдиката „Продуголь“**), конечно, несколько сгущая краски, характеризует этот вопрос т. о. на стр. 30 своей названной выше брошюры:

Этот год (1897 г.), в котором по инициативе начальника материальной службы, инженера Шухтана, была образована комиссия (род потребительского синдиката) для совместной покупки топлива для потребностей казенных железных дорог. Будущий историк Донецкого Бассейна и угольной промышленности год этот отметит, как выдающийся. В нем Министерством Путей Сообщения, самым крупным потребителем донецкого угля, был нанесен углепромышленности огромный удар, от которого она до настоящего времени не может оправиться. Комиссия, ввиду конкуренции и разрозненности углепромышленников, понизила цены далеко за пределы себестоимости.

*) См. мою книгу „Слядывати и тресты“. Харьков, 1919 г. стр. 30.

**) О. Р. Фертнер „Нужен ли доведкой угольной промышленности синдикат?“ Харьков, 1909 г.

Эта борьба железных дорог, как потребителей донецкого топлива, с углепромышленниками, продолжалась и после того периода, к которому относится вышеприведенная цитата из брошюры инж. Фертнера.

Последующая борьба Министра Путей Сообщения Рухлова за понижение цен на топливо, поставляемое железным дорогам, и сокращение его запасов на железных дорогах, постановка вопроса о мерах борьбы с синдикатами на третьем совещательном Съезде представителей материальных служб*) и т. д. и т. д.—все это свидетельствует о том огромном значении, которое принадлежало казне, как потребительнице топлива, в деле организации каменноугольного синдиката Донецкого Бассейна.

Первоначально это объединение углепромышленников перед лицом общего врага—казенных железных дорог—не выливалось в норму синдиката, а носило характер неформальных соглашений углепромышленников перед торгами на поставку топлива казенным железным дорогам—то, что в литературе о синдикатах иногда обозначается терминами *les accords, les ententes***).

Общая обстановка кризиса начала девятисотых годов, вызвавшая появление синдикатов „Продуголь“ и „Продамета“, охарактеризована на стр. 32 и 33 настоящей работы.

Первый из названных синдикатов—„Продуголь“ юридически возник 11 мая 1904 года, когда получил утверждение устав „Общества для торговли минеральным топливом Донецкого Бассейна“—таково полное название „Продуголя“.

Этот устав представляет собою образец обычного устава Акционерного Общества—„для торговли минеральным топливом Донецкого Бассейна как за собственный счет, так и по поручениям“, согласно § 1 этого устава Учредителями Общества „Продуголь“ явились горн. инж. Н. С. Авдакова горн. инж. С. С. Манциарли де-Деллиности—два крупных деятеля южной горной промышленности.

Основной капитал Общества определен в 1 мил. руб. разделенных на 4.000 акций по 250 руб. каждая. Эти акции распределяются между учредителями и „приглашенными ими к участию в предприятии лицами“ по взаимному соглашению.

Структура „Продуголя“, согласно его уставу, также напоминает структуру обычного акционерного общества; его органами являются общее собрание, Правление, Ревизионная Комиссия и Совет, причем в отношении Совета необходимо отметить некоторые особенности. Вопросы вносятся в общее собрание акционеров „Продуголя“ не иначе, как через Совет, который, кроме того, согласно § 38 получает право разрешения вопросов, возникающих из контрагентских договоров (п. в § 28 устава).

*) См. доклад начальника материальной службы Южных ж. д. инж.-тех. А. П. Лутохина III-му Совещательному Съезду представителей материальных служб под заглавием „Вопрос о мерах борьбы с синдикатами“. (Харьков. 1913 г.).

**) Leener „L'organisation syndicale“, стр. 195—202.

Здесь, в этом пункте устава содержится указание 'на контрагентские договоры, которые имеют наиболее серьезное значение в жизни „Продуголя“, как юридического лица, акционерного общества.

Потребность установить непосредственное соглашение между углепромышленниками, обусловленная состоянием экономической кон'юнктуры начала девятисотых годов, не могла быть удовлетворена путем непосредственного договора между ними, учреждения общих контор продажи угля и т. п. Это носило бы все внешние признаки той „стачки“ торговцев или промышленников, о которых говорили ст. 913 и 1180 Уложения о наказаниях. Поэтому был избран другой путь. Доверенные представители углепромышленников Донецкого Бассейна (точнее — представители иностранного капитала, работающего в каменноугольной промышленности) явились учредителями Акционерного Общества „Продуголь“. Согласно устава этого общества, учредители „распределяют“ акции этого юридического лица, акционерного общества, между „приглашенными ими к участию лицами“, что открывает возможность удерживать эти акции в руках самих же углепромышленников.

И так, юридическая форма акционерного общества, самостоятельного юридического лица, прикрывала собою экономическую сущность определенного картельного соглашения.

«Продуголь», как самостоятельное юридическое лицо, имеет право вступать со своими акционерами в контрагентские отношения, и он осуществил это право в виде т. н. «контрагентского договора» (или *contrakt gouge*, как называли его французы по красному цвету его обложки), основные черты которого могут быть представлены в следующем виде: *)

а) «Продуголь» имеет исключительное право продажи минерального топлива, вырабатываемого контр-агентами, которые состоят также акционерами «Продуголя».

б) «Продуголь» принимает от своих контр-агентов топливо по „основным“ ценам, а выпускает его на рынок по продажным ценам, причем получающаяся т. о. разница делится между всеми контр-агентами «Продуголя» пропорционально количеству их поставок на рынок.

в) Договор определяет: «совокупный условный тоннаж» всех контр-агентов «Продуголя» (*tonnage conventionnel globale*) — сумма индивидуальных тоннажей; «индивидуальный условный тоннаж» (*tonnage conventionnel individuelle*) — ежегодно определяемая «Продуголем» норма вывоза контр-агентом минерального топлива на рынок; «общий квантум» (*quantum general*) — процентное участие, на которое имеет право контр-агент в общем количестве топлива, вывезенного всеми контр-агентами в совокупности. Отношение индивидуального условного тоннажа к совокупному условному тоннажу

*) См. мою книгу «Синдикаты и тресты», стр. 41 и 45.

всех контр-агентов будет квантумом данного контр-агента на определенный год.

г) Эти условия гарантируют контр-агентам «Продуголя» определенную долю в общем сбыте, создают им гарантию против конкурентных действий их соседей, других каменноугольных предприятий, до возникновения «Продуголя» находившихся между собою в состоянии рыночной борьбы.

Таково, в существенных чертах, основное содержание договора «Продуголя» с его контр-агентами*). Экономически мы имеем пред собою ту синдикатскую организацию, которая, по классификации Лифмана**) должна быть отнесена к группе *Gewinn-Kontingentierung mit Abkauf der Production*.

Юридическая природа этой организации представляется в достаточной степени спорной.

Вопрос о юридической природе «красного договора» был предметом обсуждения Петербургского коммерческого суда 19 января 1913 года по иску к «Продуголю» со стороны Южно-Русского Днепропетровского металлургического Общества и анонимного общества Государево-Байракских каменноугольных копей.

К этому времени экономическая конъюнктура начала заметно улучшаться и некоторым предприятиям захотелось большей свободы маневрирования на рынке, чем это допускалось условиями синдикатского договора, с его тоннажами и квантумами. Депрессия начала девятисотых годов начала забываться, и как это очень часто наблюдается в истории синдикатов, хорошие дела на рынке окрылили надежды промышленников и их потянуло к свободной конкуренции, подальше от синдиката.

Интересно отметить, что истцы, нападавшие на «Продуголь», в своих объяснениях на суде бичевали самих себя. Они указывали,***) что «Продуголь» заключил со своими контр-агентами договор, который под внешней формой комиссионных отношений устанавливает объединение промышленников и потому незаконен, ибо противоречия ст. 1180 Уложения о наказаниях, имея целью произвольное установление несомненно повышенных цен".

Ответчик «Продуголь» возражал, что в данном случае мы имеем договор комиссии, с исключительным правом комиссионера продавать товары контингента, почему истец лишается права самостоятельной продажи своего товара, что, однако, не запрещается уставом «Продуголя». Петербургский окружный суд стал на сторону истцов и в своем решении признал тяжущиеся стороны свободными от исполнения договора, при чем в резолютивной части было упомянуто о ст. 1180 Улож. о наказаниях.

*) Этот договор подробно изложен в цитированной выше моей книге «Синдикаты и тресты». Проф. И. М. Гольдштейн подает, что этот договор хранится в тайне (см. примеч. на стр. 7 его брошюры «Синдикат «Продуголь» и кризис топлива» М. 1913 г.). Однако, надо указать, что этот договор был напечатан в 1911 г. в Харькове и довольно широко был известен специалистам.

**) «Die Unternehmervverbände».

***) См. мои «Очерки экономического описания России», стр. 172.

Логическим результатом этого было начало уголовного дознания против участников «Продуголя», и лишь военные события прервали течение этого дела, которое обещало дать интересный материал не только по вопросу о «Продуголе», но также и о допродугольских соглашениях, в связи с торгами на поставку топлива казенным железным дорогам (о чем было сказано выше).

Как оценить значение синдиката «Продуголь» в горной промышленности Донецкого Бассейна?

Вопрос этот очень живо обсуждался в нашей печати перед войной, при чем в общей прессе, в статьях проф. И. М. Гольдштейна, печатаемых в «Русском Слове»*) синдикату приписывалась роль органа, искусственно сдерживавшего развитие добычи и влиявшего на создание угольного кризиса.

Несомненно, в намерение «Продуголя» входило регулирование рынка в направлении сжатия контингента выпуска товара и поднятия цен. Синдикат «Продуголь», как и всякий синдикат, мог работать только в этом направлении, и это явственно выступает из целого ряда пунктов контрагентского договора. Достаточно, для подтверждения этого, привести последний абзац пункта 22-го договора, устанавливающий штраф в пользу «Продуголя» с тех отправок его контрагентов, которые превышают выданные «Продуголем» наряды, а также последний абзац пункта второго, передающий право монопольной продажи брикетов обществу «Продуголь» при условии, если Совет «Продуголя» большинством $\frac{2}{3}$ голосов признает, что производство брикетов достигло количества, могущего вызвать конкуренцию.

Крайне характерно письмо Правления «Продуголя» от 17 июля 1913 г. его контр-агентам, признававшее, что совокупный условный тоннаж, установленный «красным договором», устранил возможность развития добычи (письмо приведено в одной из статей проф. И. М. Гольдштейна в «Русском Слове»).

В том же направлении представляются отношения на рынке топлива при политике „Продуголя“ на основании анализа договора с одной из московских фирм по торговле углем: искусственное ограничение сбыта не продугольского топлива на московском рынке, под угрозой больших штрафов, стремление заполучить этот рынок в монопольное обладание исключительно продугольских фирм—таковы характерные черты этого договора (см. цитир. брошюру проф. Гольдштейна). Далее, необходимо отметить, что власть „Продуголя“ над рынком укреплялась вследствие того, что „Продуголю“ в течение последних трех предвоенных лет (1911—1913 г.г.) принадлежало 52—55% общей добычи каменного угля в Донецком Бассейне. Более того, благодаря связи с банками капиталов, заинтересованных в продугольских фирмах, финансовое влияние продугольских интересов рас-

*) См. ряд статей проф. И. М. Гольдштейна в «Русском Слове», в начале 1914 г., под названием «Будущее «Продуголя». «Продуголь» опровергает и др. См. тоже брошюру того же автора «Синдикат «Продуголь» и кризис топлива» (Москва, 1913 г.), представляющую доклад в горной секции Всероссийского Съезда деятелей по горному делу, металлургии и машиностроению.

пространялось гораздо далее круга его контрагентов.

Как же была использована эта возможность власти „Продуголя“ над рынком?

Некоторым освещением этого вопроса могут служить данные ниже следующей таблички.

	Добыча каменного угля		в % возрастания
	1906 г. мл. пуд.	1912 г.	
1) Фирмы, входящие в „Продуголь“	453,00	591,23	30,5
2) Прочие крупные фирмы (с добычей свыше 5 мил. пуд. в год), не входящие в „Продуголь“	241,87	249,75	3,29
3) Прочие фирмы	80,03	245,62	207

Отсюда видно, что продугольские фирмы развивались значительно сильнее, чем прочие крупные предприятия, не входящие в состав „Продуголя“, но за то другие, менее крупные предприятия, также не продугольские, развивали свою добычу гораздо более интенсивно, сравнительно с теми и другими.

Очевидно, „Продуголь“ успел парализовать работу каменноугольных предприятий, не входящих в его состав, но находящихся в тех же условиях, что и предприятия „Продуголя“ (характер оборудования, глубина выработок, обремененность затратами в виде фиксированного капитала и т. п.). Но в то же время прочие каменноугольные предприятия Донецкого Бассейна не продугольского масштаба развивались гораздо быстрее „контрагентских“ каменноугольных предприятий.

В этом пункте—слабость синдикатских перспектив в Донецком Бассейне. Дело в том, что и геологические и хозяйственные условия Донецкого Бассейна делают возможной работу кустарных и полу-кустарных шахт, при посредничестве скупщиков-торговцев каменным углем. Эта категория промышленников Донецкого Бассейна отличается значительной эластичностью.

Интересную картину этих колебаний мы находим в нижеследующей таблице, напечатанной на стр. 29 брошюра инж. Фертиера „Нужен ли Донецкой угольной промышленности синдикат“.

Годы	Число отправит. донецк. мяк. топл.			Годы	Число отправит. донецк. мяк. топл.		
	всех	шахто- влад.	скупщ		всех	шахто- влад.	скупщ.
1894	285	141	144	1902	396	180	216
1895	287	151	136	1903	333	112	191
1896	261	143	118	1904	350	153	197
1897	250	147	103	1905	338	210	128
1898	193	111	82	1906	426	279	147
1899	264	94	170	1907	432	344	118
1900	405	173	232	1908	503	350	147
1901	464	190	274				

Низкое строение капитала в мелких каменноугольных предприятиях делает их подвижными и приспособляющимися ко всякой экономической конъюнктуре, и это обстоятельство чрезвычайно осложняет борьбу с ними со стороны крупных предприятий, а следовательно и понижает шансы синдиката в этой борьбе.

В таком виде представляется характеристика синдиката, работающего в каменноугольной промышленности Донецкого Бассейна. Антрацит был вне синдикатской организации, и „Продуголь“ принимал меры к его удушению (напр. на московском рынке).

Теперь перейдем к характеристике другого мощного синдиката— „Продаметы“, объединившего металлургическую промышленность, преимущественно, юга России.

На стр. 32 настоящей работы находится общая характеристика той экономической обстановки, среди которой произошло возникновение синдиката „Продаметы“.

Общество для продажи изделий русских металлургических заводов („Продамета“) было учреждено в июле 1902 г. с целью торговли чугуном, сталью, железом и вообще всякого рода изделиями металлургической промышленности как за собственный счет, так и по поручениям, как гласит устав Общества.

Общество сначала объединило в своих руках продажу листового железа, за которым последовали другие продукты железнотопливной промышленности.

„Свой настоящий характер Общество получило с 1909 г., когда западно-европейский кризис усилил депрессию в железном деле России и заставил заводы юга войти между собою в соглашение по продаже главного рыночного продукта сортового железа*).

Основной интерес картельных отношений в „Продамете“, также как и в „Продуголе“, заключается в его контрагентском договоре, в существенных чертах сводящемся к следующему**).

Контр-агенты, металлургические заводы, предоставляют „Продамете“ исключительное право продажи по всей России, на комиссионных началах, за наличные деньги и в кредит, всего количества производимых контр-агентом товаров, входящих в перечень товаров контрагентского договора. Из всего количества заказов на договорные предметы, которые „Продамете“ удастся получить, она обязана передать контрагенту известную, в договоре установленную долю, в виде процента к общему заказу.

Так называемые средние основные цены, очищающиеся контр-агенту франко-вагон на ближайшей к его заводу тарифной железнодорожной станции (или франко-судно, на ближайшей к заводу пристани отправления), должны быть не ниже тех, которые очистятся на однородные предметы другим контрагентам синдиката той же группы.

*) Гливиц „Железная промышленность России“, стр. 132.

**) Основные черты контрагентского договора „Продамета“ аналогичны договору „Продуголя“. Изложение этого договора см. у Гливица, цит. соч., стр. 133 и в моей книге „Синдикаты и тресты“, стр. 50—51.

Вывод средних основных цен для всех заводов, исполняемых всеми контрагентами „Продаметы“, производится следующим образом.

Прежде всего определяется средняя продажная основная цена франко места назначения для всех отправок договорных предметов по каждой их категории в отдельности, произведенных контрагентами всех групп. Из этой цены исключаются скидки, делаемые при продаже, гербовый сбор и некоторые другие расходы. Получающаяся после этого цена помножается на общее количество поставок, произведенных контрагентами данной группы по каждой категории договорных предметов. Из полученного произведения вычитается общая стоимость провоза всех принятых в расчет отправок предметов той же категории от всех заводов контрагентов данной группы до места назначения. Полученная, таким образом, величина, разделенная на количество произведенных контрагентами данной группы отправок договорных предметов данной категории составит чистую среднюю основную цену, очистившуюся на договорные предметы данной категории для контрагентов определенной группы, юсо их заводы.

Если тип контрагентского договора приближает „Продамету“ к „Продуголю“, то с другой стороны существенное различие между ними заключается в составе предприятий и роде и характере товаров, объединяемых контрагентским договором „Продаметы“.

Основой „Продаметы“ являются южные заводы, но кроме них к „Продамете“ примыкают также заводы Ц. Польского („Гута-Банкова“, Островецкий, Гантке, „Екатерина“, Сосновицкий, Милевский и „Пушкин“), Прибалтийские (Беккер, СПб. Прокатный и „Феникс“), центральные (Московский металлический и Выксунские), приволжский (Урало-Волжский) и даже Уральские (Камского О-ва и Богословский).

Таким образом, если „Продуголь“ явился чисто южной организацией, то „Продамета“ вовлекала в круг своего влияния значительное число производственных единиц других районов, кроме южного*).

Другая характерная особенность, отличающая „Продамету“ от „Продуголя“, состоит в том, что различные заводы, входящие в состав „Продаметы“, были охвачены контрагентским договором по отношению к различным группам товаров.

Вообще говоря, в предвоенное время общество «Продамета» производило продажу листового и широкополосного железа, балок и швеллеров, бандажей и осей, сортового железа всяких наименований и железнодорожных рельсов. По всем этим продуктам контрагентами «Продаметы» состояли два южных завода: южно-русское Днепропольское металлургическое общество и Таганрогское металлургическое общество.

Остальные заводы заключили с «Продаметой» договор по нижеследующим предметам: 1) по сортовому и листовому железу, балкам и рельсам

*) По словам проф. Гольдштейна „в 1912 году южная группа заводов, участвовавших в „Продамете“, имела 74,10 общих долей в производстве синдиката, полдольская группа 13,60 долей, центральная 2,44 доли“. („Влагодия для русской действительности для образования синдикатов и трестов“. Москва, 1913 г., стр. 36)

Акцион. о-во Брянского рельсопрок. завод., Донецкое об-во железодел. и сталелит. произв., Генеральн. об-во чугуноплав., железодел. и сталелит. завод в России, Новороссийское об-во, об-во «Русский Провиданс»; 2) по сортовому железу, балкам, и рельсам: Русско-Бельгийск. об-во, 3) по сорто-
вому листовому и балкам: Донецко-Юрьевск. мет. об-во, Уральско-Волжск. об-во
Камское об-во, 4) по сортовому, листовому железу и бандажам и осям:
зав. «Гута-Банкова», Островецкие заводы; 5) по сортовому и листовому
железу: Гантке, Гартман, Соед. зав. Королевского и Лаура (зав. «Екатерина»),
Никополь-Мариупольский, Сосновицкий; 6) по сортовому железу и балкам:
Сулинский зав., Константиновский зав., Краматорский зав.; 7) по сортовому
железу: Либавский зав. б. Беккер, Милевик. зав., Московский метал. зав.,
Петербургский железопр. и проволочн. зав., зав. «Пушкин», зав. „Феникс“,
8) по листовому железу; Выксунские зав., зав. б. Шодуар; 9) по балкам
Богословск, горнопр. об-во.

Эта дробная номенклатура, (однако, не включающая совершенно
основного товара—чугуна) рисует картину сложности отношений в «Про-
дамете».

Наконец, существенным отличием «Продаметы» от „Продуголя“ явля-
ется больший охват рынка «Продаметой», сравнительно с «Продуголем». Процент рыночного сбыта «Продаметы», сравнительно с обще-русским сбытом
соответствующих товаров, представляется в следующем виде:*) по сортовому
железу—88,08 проц., по листовому и универсальному железу—82,41 проц.,
по балкам и швеллерам—88,33 проц., по бандажам—74,06 проц., по осям
весь сбыт, по чугунным трубам и фасонным частям—43,92 проц. Вопрос
о роли и значении синдиката «Продамета» также был предметом горячих
споров в нашей прессе предвоенного периода, причем противниками «Про-
даметы» (также, как и «Продуголя») выступали, преимущественно, москов-
ские газеты, содержимые московскими промышленниками, которые, как
потребители, были заинтересованы в донецком угле и металле.

«Продамета», конечно, не оставалась в долгу и печатала пространные
ответы в защиту против возводимых на нее обвинений. Здесь, прежде всего;
заслуживает внимания нижеследующая таблица о развитии производитель-
ности заводов «Продаметы»**).

С 1-го июня по 1-е июля									
Наименование изделий	1903-4	1904-5	1905-6	1906-7	1907-8	1908-9	1909-10	1910-11	1911-12
Ты с и ч и п у д о в									
Листовое и широкопол. железо . . .	10.018	8.065	8.128	7.472	8.877	7.124	9.519	10.222	12.989
Балки и швеллера . .	10.004	6.004	5.255	4.750	5.957	6.580	9.331	11.867	16.314
Бандажи и оси . . .	3.160	3.252	3.249	2.005	1.905	1.214	1.470	1.706	2.324
Сортовое железо } Рельс. и скреп. }	Продажи совершались заводами непосредственно					17.376	36.911	47.952	50.145
							6.789	17.376	24.444

*) Глибид, цит. соч., стр. 136—137.

**) См. мою книгу „Очерки экономического описания России,“ стр. 180.

Эти цифры дают основание «Продамете» сделать вывод о том, что кривая производства обнаруживает не сокращение, а скорее увеличение, причем скачкообразное производство объясняется резкой колеблемостью спроса *).

Несомненно, для синдиката с таким большим охватом рыночного спроса, как «Продамета», можно было бы ожидать большей стабильности производства на протяжении указанного девятилетнего периода. Приведенные цифры, повидимому, дают основание к выводу, что синдикат в лучшем случае не сумел сладить со спросом, не сумел овладеть им. Далее, по отношению к листовому железу прирост 191¹/₂ г., несомненно, очень мал, если сравнить его с кризисным 190³/₄ г. Обращает на себя внимание падение цифры производства бандажей и осей в 191¹/₂ г., сравнительно с 190³/₄ г.

Защищаясь против обвинений, Правление «Продаметы» приводило нижеследующую таблицу цен (посо заводы) за все время существования синдикатского соглашения (коп. с пуда)

С 1 июля по 1-е июля.

Наименование изделий.	190 ³ / ₄	190 ¹ / ₂	190 ³ / ₄	190 ⁶ / ₇	190 ⁷ / ₈	190 ⁸ / ₉	190 ⁹ / ₁₀	191 ¹ / ₂	191 ¹ / ₂
Широкоп. железо	156	146	151	147	146	146	143	138	138
Листов.	155	154	145	146	146	154	148	146	148
Балки	98	94	92	92	96	96	95	103	114
Швеллера.	112	116	114	109	110	109	112	111	125
Оси	175	156	159	174	164	162	151	140	141
Бандажи	159	156	162	166	156	165	149	140	143
Сорт. железо	128	124	121	119	114	109/129	119	121	130
Рельсы „Виньоль“ 1-й с.	120	117	112	111	110	110	109	109	111
Рельсы „Феникс“ со скрепл. 1-й сорт.	—	119	139	143	134	130	121	120	129
Чугун	41	42	42	42	42	42	47	56	65
Заготовка.	82	81	81	80	82	79	81	100	115

Эти цифры, по мнению правления «Продаметы», свидетельствуют об умеренном уровне цен. Чугун и заготовка обнаруживают заметное возростание цен, но они находятся „вне сферы влияния Продаметы“.

Эти выводы также не могут быть приняты в том виде, как они сделаны „Продаметой“. Прежде всего, на основании данных приведенной таблицы можно отметить, что цены на балки, швеллера и сорт. железо, несомненно, обнаруживают тенденцию к повышению, причем именно с 190⁸/₉ г., когда сортовое железо и рельсы стали продаваться через „Продамету“, их цены стали заметно повышаться.

Повышение цен чугуна и заготовки, непосредственно не охваченных контрагентским договором „Продаметы“, усиливало позицию значительной

*) Id.

части южных металлургических заводов, контрагентов „Продаметы“, работающих на собственном чугуна. Расчеты правления „Продаметы“, что цены на передел должны были бы стоять значительно выше, если бы они вполне учитывали поднятие цен на чугун—также должны быть отвергнуты, п. ч. это соображение вряд ли может иметь значение для заводов, работающих на своем чугуна, что же касается чистых передельных заводов, особенно, в других районах, работающих на южном чугуна, то для них повышение цен на чугун означало понижение шансов конкурентной борьбы с южными заводами в области передела. Незадолго перед войной поднимался даже вопрос о том, чтобы совершенно прекратить вывоз южного чугуна в другие районы, направляя туда лишь готовый продукт.

Здесь мы приходим к вопросу о районировании цен, практиковавшемся „Продаметой“. Этот боевой метод применялся „Продаметой“, преимущественно, по отношению к уральским заводам, как видно из ниже-следующей таблицы цен, установленных „Продаметой“ с 17 февраля 1912 г. на сортовое железо и рудничные рельсы нормальных профилей и размеров для торговых фирм различных районов сбыта *).

Бакинск. губ. и Дагест. область	1 р. 48 к.
Тифлисс. и Кутаисск. губ.	1 р. 55 к.
Карская, Эриванская и Елизаветпольск.	1 р. 60 к.
Варшавский район	1 р. 48 к.
Виленский „	1 р. 48 к.
Екатериносл. „	1 р. 48 к.
Киевский „	1 р. 48 к.
Московский „	1 р. 45 к.
Нижегородск. „	1 р. 40 к.
Одесский „	1 р. 48 к.
Рижский „	1 р. 48 к.
Ростовский „	1 р. 48 к.
Петербургский, „	1 р. 48 к.
Харьковский „	1 р. 48 к.
Саратовский „	1 р. 40 к.

В Нижегородском и Саратовском районах, где сказывалась конкуренция другого синдиката—„Кровли“, „Продамета“ устанавливала пониженные цены.

Влияние „Продаметы“ на потребительский рынок сказывается, между прочим, из тех данных, которые имеются по вопросу о неплатежах со стороны покупателей изделий южн. метал. заводов (Гольдштейн—цит. соч. стр. 25).

*) Проф. Гольдштейн „Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов“, стр. 19. См. также статью того же автора „Благодеяния“, „Продаметы“ („Русск. Слово“ от 6 июля 1912 г.)

	Сумма неплатель- тежей руб.	Проц. к обороту
190 ³ / ₄	32.163	0,17
190 ⁴ / ₅	46.958	0,22
190 ⁵ / ₆	50.153	0,25
190 ⁶ / ₇	2.774	0,01
190 ⁷ / ₈	5.759	0,02
190 ⁸ / ₉	?	0,00
190 ⁹ / ₁₀	19.028	0,03

На примере „Продаметы“ мы видим подтверждение того общего факта, который достаточно определенно доказан всей историей синдикатов и трестов: вместе с картелированием промышленности уменьшается роль кредита, а следовательно, падает количество неплатежей со стороны неисправных должников.

Таким образом, подытоживая деятельность „Продаметы“, мы можем установить, что в ее работе замечаются типичные черты, присущие синдикатской практике западно-европейского типа (районирование цен, сжатие кредита и т. п.). Однако, мы не можем с полной категорической очевидностью утверждать, что „Продамета“ (равно как и „Продуголь“) вели за собою экономическую конъюнктуру, взвинчивали цены и т. п. Несомненно, все это входило в их планы, но вряд ли при тогдашнем строе русской социально-экономической жизни они могли осуществить эту задачу в сколько-нибудь серьезных размерах.

Проф. Гольдштейн, Цыперович*) и целый ряд других авторов, правда утверждают, что южные горнопромышленные синдикаты создавали голод на внутреннем рынке, вздували цены и т. п. Но объективно рассуждая нельзя выяснить, какова была активная, сознательная роль этих синдикатов в стихийной экономической эволюции.

Толки о доминирующем положении этих синдикатов в значительной степени основываются на кампании, предпринятой против этих синдикатов московскими газетами „Русское Слово“ и „Утро России“, руководимыми московскими промышленниками, потребителями южного угля и металла и потому враждебно настроенными по отношению к синдикатам.

В пылу полемики, в газетах, имея перед собою аудиторию общественного мнения, эти газеты договариваются до чрезвычайно сильных обвинений и радикальных предложений (см. напр. статью против „Продаметы“ в органе П. П. Рябушинского „Утро России“, № 5 за 1916 год). Наоборот, если мы послушаем промышленников в процессе спокойного, делового обсуждения вопроса, мы услышим иные заявления относительно „Продаметы“.

В этом отношении чрезвычайно интересно конфиденциальное, циркулярное письмо Совета Съезда русских фабрикантов и заводчиков земледельческих машин и орудий к членам этого Съезда, от 18 июня 1912 г.

*) Г. Цыперович „Синдикаты в России“.

Это письмо начинается с констатирования того факта, что с весны 1910 г. Совет названных С'ездов начал изыскивать средства борьбы с вздорожанием сортового железа и с затруднениями при его получении. В числе этих мер Совет намечал следующие:

1) Путем сосредоточения заказов всех членов С'езда и совместной закупки железа усилить свое значение, как покупателя, и заключить контракт, помимо „Продаметы“, с одним из крупных металлургических заводов с 1 января 1912 года, т. е. со дня истечения срока соглашения с синдикатом „Продамета“. В этом направлении велись переговоры с Русско-Бельгийским обществом и был выработан текст контракта с ним, но затем Русско-Бельгийское Общество нашло более выгодным возобновить свое соглашение с синдикатом и потому намеченная сделка не удалась.

2) Покупка собственного прокатного завода. В этом смысле предполагалось овладение Юзовским заводом и велись переговоры о финансировании этой операции, но и эта сделка не удалась по тем же причинам, что и с Русско-Бельгийским заводом: с 1 января 1912 г. Юзовский завод возобновил свое соглашение с синдикатом. Как вариант, намечалась постройка нового собственного прокатного завода, но вопрос, по неразработанности, остался открытым. Проект централизованного Бюро заказов для членов С'езда также был отвергнут.

3) Обсуждалось предложение ходатайствовать о разрешении беспошлинной выписки железа из-за границы и о подаче жалобы министру на действия синдиката „Продаметы“, тормозящие развитие отечественного с.-х. машиностроения.

Эти предложения также были отвергнуты по мотивам настолько интересным, что их стоит процитировать из письма целиком.

„Совет С'езда признал, что для того, чтобы ходатайствовать о беспошлинном пропуске заграничного железа, необходимо иметь неопровержимые данные для доказательства крупного недостатка железа в Империи. (Очевидно, этих данных не имелось, П. Ф.). Кроме того, судя по ходу вопроса о беспошлинном пропуске чугуна, рельс, железных балок, и, принимая во внимание принципиальное решение правительства, неуклонно продолжать покровительственную политику по отношению к металлургическим заводам—рассчитывать на успех такого ходатайства в настоящее время не имеется никаких оснований.—Что же касается подачи жалобы Министру на действия синдиката „Продамета“, то Совет признал, что „Продамета“ такая сильная организация, имеющая в своей среде лиц с большим влиянием в правительственных кругах, что оказать на нее какое-либо давление очень трудно*). Поэтому, жалобу на

*) Как на пример трудности оказать давление на синдикат „Продамета“ можно указать на то, что Коломенский машиностроительный завод не мог выполнить к сроку двухмиллионную постройку железнодорожного моста вследствие недостачи во время железа „Продаметы“.

ее действия можно было бы подать только в том случае, если бы мы имели обширный цифровой материал, при помощи которого мы могли бы доказать, что повышение цены на железо, запаздывание и другие дефекты при исполнении заказов возникают, исключительно, по вине синдиката. Но к сожалению в нашем распоряжении таких цифровых материалов не имеется. Кроме того, существующие в настоящее время высокие цены на железо нельзя объяснить только действиями синдиката. Вспомним, что в период 1890—1899 годов, когда еще не существовал синдикат, цены на железо поднимались гораздо выше, чем теперь, и затруднений при заказах было, пожалуй, больше, чем в настоящее время. Подъем цен как тогда, так и теперь обуславливается положением рынка, и металлургические заводы имели бы возможность держать в настоящее время высокие цены на железо и при отсутствии синдиката“.

В этой длинной цитате характерно и признание социально-политической силы синдиката „Продаметы“ и, в то же время, превалирующего значения именно стихийной рыночной конъюнктуры, а не политики синдиката.

В результате длинного изложения истории вопроса, конфиденциальное письмо Совета Съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий приходит к выводу, что „при существующем в настоящее время положении железного рынка единственным средством для улажения затруднений по заказам на железо является миролюбивое соглашение и переговоры с синдикатом“. Из дальнейшего текста письма мы узнали, что синдикат для членов Съезда согласился сделать скидку в 8 коп. с пуда на железо, употребляемое для постройки плугов и предложил выработать возможно меньшее число специальных профилей железа для того, чтобы на металлургические заводы могли передаваться крупные заказы на железо одинаковых профилей, „потому что при небольших заказах какого-нибудь профиля заводы отказываются ставить соответственные прокатные вальцы и ожидают часто по несколько месяцев накопления заказов одинакового профиля, вследствие чего и происходит в большинстве случаев запаздывание при их выполнении“.

Эта трезвая характеристика работы „Продаметы“ в конфиденциальном письме сопровождалась, в области публичных выступлений, воинственной резолюцией на V Съезде фабрикантов сельско-хозяйственных машин и орудий (конец октября 1912 г.), признававшей

нежелательным сосредоточение всей продажи железа и стали руках синдиката под названием „Общество для продажи изделий русских металлургических заводов“, так как за последние три года синдикат этот повысил цены на железо почти на половину существующей пошлины, что тотчас же отразилось на усилении ввоза из за границы простейших сельско-хозяйственных машин и орудий.

Нам думается, что следует верить той оценке синдиката „Продуголь“ которую мы находим в конфиденциальном письме, а не в громогласных резолюциях Съезда фабрикантов сельско-хозяйственных машин и орудий.

Чтобы покончить с характеристикой вопроса о синдицировании металлургической промышленности юга России, скажем несколько слов о *металлургическом тресте*, проектированном в 1908 г., но не получившем осуществления.

Четвертого апреля 1908 г. в Государственную Думу, за подписью членов, преимущественно, союза 17 октября, был внесен запрос правительству об образовании треста металлургических заводов России.

Согласно этому запросу проектируемый трест, включающий заводы, приблизительно, в объеме „Продаметы“, будет иметь основной капитал в 154 мил. руб. и овладеет до 60% всей русской металлургической промышленностью, „причем этот союз обладает достаточным количеством собственных копей каменного угля и железной руды и является собственником крупных имений (одно Новороссийское общество владеет на праве полной собственности около 20 тыс. дес. земли)“ (*).

Более точные сведения о проектируемом тресте были сообщены в статье „Металлургический трест“ („Горнозаводский Листок“, 1908 г., № 63).

В состав треста должны были войти следующие девять обществ: Южно-Русское Днепровское металлургическое, Русско-Бельгийское, Таганрогское Реталлургическое, „Русский Провиданс“, Новороссийское, Макеевское, Донецко-Юрьевское, Брянское и Урало-Волжское. Значение этого треста для нашей металлургической промышленности выясняется из следующих цифр:

	Процентное отношение производства заводов треста к производству	
	Юга России.	Всей России.
Чугун	81,04	52,32
Полупродукт	70,80	38,13
Гот. продукт	71,86	38,68

Как видно из этой таблицы, проектируемый трест должен был иметь основное и исключительно важное значение именно для южной металлургии, причем в отличие от синдиката „Продамета“ превалирующее значение должен был иметь чугун, совершенно отсутствовавший в контрагентском договоре „Продаметы“.

Основной акционерный капитал предприятий проектируемого треста по биржевой расценке марта 1908 г., составлял 73.503.500 руб., а непогашенная часть облигационного капитала тех же предприятий 14.902.480 руб.

Проект создания металлургического треста вызвал большой общественный протест. Резолюции против треста были вынесены Екатеринославской Городской Думой, Екатеринославским Уездным Земским Собранием, Пермским Земством, Общим Собранием Союза рабочих по металлу и др. С другой стороны, в целом ряде собраний были развиты мотивы в пользу треста.

*) „Горнозаводский Листок“, № 42 за 1908 г.

Финал этой истории относится к 1912 году. Министр Торговли и Промышленности Барк представил Государственной Думе разъяснения по запросу о тресте, в общем, сводящиеся к следующему (*).

Немедленно после принятия запроса Государственной Думой, разъясняет Министр, Министерством Торговли было произведено подробное обследование настоящего дела. Обследование это выяснило, что действительно велись переговоры между металлургическими заводами о соединении их в общую всероссийскую организацию. Трест предполагалось осуществить при содействии заграничных финансовых кругов. Однако, подготовительные действия и переговоры между заводами не привели к соглашению и трест не был организован. В виду этого правительство не имело повода для принятия мер к ограждению интересов широких групп населения, которые могли бы пострадать от образования треста.

Из числа синдикатов южной горной промышленности, имеющих менее существенное значение, можно указать на объединения в железорудной и соляной промышленности.

„Общество для торговли железной рудой“ — „Продаруд“ объединило в 1907 году шесть крупных железорудных предприятий, добывавших в то время свыше 80% всей добычи не заводских предприятий.

Реального значения на рынке этот синдикат не сумел завоевать *), но опасность, которую он мог бы представить для „Продаметы“, дала толчок к вертикальной концентрации, к скупке железных рудников и каменноугольных копей южными металлургическими заводами.

Так, в 1910—1911 г. Южно-Русское Днепропольское металлургическое Общество приобрело обширные Ростовские рудники за 6.995.000 рублей. Таганрогское металлургическое общество взяло в долгосрочную аренду каменноугольные копи „Белая“, Русско-Бельгийское Общество заарендовало железные рудники насл. Колачевского и, наконец, Донецко-Юрьевское металлургическое О-во приобрело от Алексеевского горнопромышленного О-ва Павловскую и Юмашевскую копи за 2.314.321 руб., а также взяло разные концессии на каменноугольные и рудные месторождения **).

Соляная промышленность не только юга, но и всей России, была синдицирована в обществе „Океан“.

Как указывает Цыперович ***), к началу войны этот синдикат арендовал у казны 118 участков из 207, расположенных на Баскунчаке, и вырабатывал около 50 проц. всей астраханской соли. Кроме того, „Океан“ вошел в соглашение с другими крупнейшими фирмами, обеспечив себе таким путем полное господство на внутреннем рынке. Главными заправилами „Океана“ являлись представители Харламовского рудника, принадлежащего французской компании, рудника „Петр Великий“, принадлежащего голландскому об-

*) „Русские Ведомости“, номер от 9 февраля 1912 г.

**) „Продаруд существовал скорее номинально“ (Гольдштейн, цит. соч., стр. 36).

***) Цыперович, цит. соч., стр. 53.

****) Цит. соч. стр. 80—81.

шеству и Русского солепромышленного Общества. (Все это—южные соле-промышленные предприятия. П. Ф.). Синдикат располагал к началу войны своими отделениями (агентурами) в Риге, Либаве, Ревеле и других портовых городах и с помощью их осуществлял свои экспортерские задачи».

Заканчиваем этим нашу характеристику вопроса об организационных формах южной горной и горнозаводской промышленности. Наше изложение значительно растянулось, и потому мы не рискуем касаться других организаций южной горной и горнозаводской промышленности, кроме тех, которые были изложены в этой главе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Внутренняя структура промышленности.

В настоящей главе мы приведем характеристику тех процессов, которые имели место в области внутренней структуры горной и горнозаводской промышленности юга России, подразумевая под этим (может быть, не совсем удачным) термином такую категорию вопросов, как концентрация, акционирование, рентабельность промышленности, строение ее издержек производства и т. п. Необходимо заранее оговориться, что данная тема затрагивает очень часто интимнейшие стороны жизни и деятельности промышленных предприятий и потому может быть освещена лишь с очень большим приближением, тем более, что в условиях капиталистического строя именно эти вопросы особенно охранялись принципом «коммерческой тайны» и соответствующий материал появлялся не в результате статистического интереса, а под давлением мотивов коммерческого характера.

Начнем с характеристики тех сторон данного вопроса, которые непосредственно выражаются в моментах производственного характера и потому легче поддаются учету и анализу.

Здесь прежде всего надлежит упомянуть концентрацию промышленности. Основной материал по этому вопросу представлен в данных ниже-следующей таблицы:

Группы фирм по раз- мерам год. добычи	Добыча кам. угля				Добыча антрацита			
	1893 г.		1912 г.		1893 г.		1912 г.	
	мл. пуд.	0/0	мл. пуд.	0/0	мл. пуд.	0/0	мл. пуд.	0/0
I группа (годов. добыча свы- ше 10 мил. пуд.) . .	89,01	(45)	878,0	(80,8)	0	(0)	65,3	(29,9)
II группа (годов. добыча от 5 до 10 мил. пуд.) . .	53,74	(27)	81,9	(7,6)	0	(0)	74,2	(34)
III группа (годов. добыча от 1 до 5 мил. пуд.) . .	34,94	(18)	76,4	(7)	24,95	(16)	50,4	(23)
IV группа (годов. добыча менее 1 мил. пуд.)	101,97	(10,0)	50,3	(4,6)	17,22	(40,84)	28,1	(12,9)

В этой таблице*) обращает на себя внимание факт**) чрезвычайно значительной концентрации в области каменноугольной и антрацитов промышленности Донецкого Бассейна, особенно первой: перед войной почти девять десятых добычи каменного угля приходилось на наиболее крупные шахты, с годовой добычей свыше пяти миллионов пудов каждая.

В области антрацитовой промышленности этот процесс концентрации не получил столь значительного (в количественном отношении) развития, но динамика этого вопроса по отношению к антрациту представляется даже более интересной, чем это можно сказать, в отношении угля. Достаточно обратить внимание, что еще в 1893 году (в начале промышленного подъема десятилетия девяностых годов) в Донецком Бассейне совершенно не было крупных предприятий, с годовой добычей 5 мил. пуд. и выше, а в 1913 году предприятия этого масштаба давали уже 64% общей добычи антрацита.

Это разделение между крупными и мелкими предприятиями, между углем и антрацитом, находит свое отражение в целом ряде показателей, например, в данных нижеследующей таблицы, представляющей производи-

Группы предприятий по размерам годовой добычи	Кам. уголь		Антрацит	
	Среднее годовое число ра- бочих	Средняя год. произ- 1 рабоч. (пуды)	Среднее годов. чи- сло рабоч.	Средняя год. произ- 1 рабоч. (пуды)
1 группа (более 5 мил. пуд.)	108.720	8.932	18.559	7.094
2 группа (1—5 мил. пуд.)	5.083	10.148	5.934	7.570
3 группа (0,5—1 мил. пуд.)	806	7.060	769	6.463
4 группа (0,1—0,5 мил. пуд.)	232	5.172	538	6.431
5 группа (менее 0,1 мил. пуд.)	23	5.652	33	5.152

Эта таблица свидетельствует о том, что в общем, а) более крупные предприятия характеризуются более высокой производительностью одного рабочего, сравнительно с менее крупными предприятиями; б) что производительность одного рабочего на каменном угле выше, чем на антраците.

Различие между каменноугольными и антрацитовыми предприятиями определенно выступает в той области, которая также может считаться показательной для обрисовки внутренней структуры промышленности—в области акционирования предприятий. Соответствующие данные приведены в нижеследующей таблице:

*) Заимствована из моих „Очерков Экономич. описания России“, стр. 146.

**) См. также таблицу на стр. 95, примечание.

Акционерные предприятия.

Добыча (в мил. пуд.).

	Г о д а	Число	Акцион.	Единолич.	Итого
Каменный уголь	1893 г. . .	13	114,28	83,38	197,66
	1912 г. . .	36	806,8	279,8	1.086,6
Антрацит	1893 г. . .	4	111,04	31,13	42,17
	1912 г. . .	4	88,8	129,2	218,0

Акционерная форма гораздо значительнее охватывает область каменноугольной промышленности, по сравнению с антрацитовою: в 1912 году акционерные каменноугольные предприятия давали свыше 74% общей добычи каменного угля в Донецком Бассейне, тогда как по отношению к антрацитовым предприятиям этот процент был немногим выше 40.

По отношению к железорудным предприятиям можно отметить, что акционерные предприятия Криворожского и Керченского районов давали в 1912 году 87,27% общей добычи железной руды этих районов.

Наконец, в области металлургической промышленности юга России мы имеем исключительно акционерные предприятия.

Изложенное выше свидетельствует о том, что в области горной и горнозаводской промышленности юга России мы имеем *высокий тип капиталистического развития*, выражающийся в значительной концентрации промышленности и в развитии акционерной формы.

Теперь перейдем к вопросу о *доходности* нашей горной и горно-заводской промышленности.

Конечно, мы не имеем никаких материалов для ответа на этот вопрос по отношению ко всей промышленности, как акционированной, так и единоличной. Самое большее, на что можно претендовать в этом вопросе—это на те данные, которые имеются по отношению к акционерным предприятиям, обязанным публичной отчетностью.

Сведения, касающиеся этих предприятий, публиковались в официальном приложении к «Вестнику Финансов», в виде извлечений из балансов и отчетов этих акционерных предприятий, сводки этих сведений публиковались в сборниках справочного характера, как напр., «Ежегодник» Министерства Финансов, в очень хорошем справочном неофициальном издании «Статистическом Ежегоднике» Совета Съездов представителей промышленности и торговли и, наконец, в разработке Статистического Бюро Совета Съезда горнопромышленников юга России (конечно, только по отношению к горным и горнозаводским предприятиям юга России).

Весь этот, даже официально публикуемый материал предприятий, обязанных публичной отчетностью, все же может быть использован для нашей цели—освещения внутренних структурных особенностей промышленности—лишь с очень большими оговорками.

Дело в том, что основные понятия, которыми оперируют отчеты и балансы промышленных предприятий (основной капитал, чистая прибыль,

дивиденд и т. п., отличаются значительной степенью условности и, в подавляющем большинстве случаев, имеют не столько экономическое, как именно юридическое значение. Основной капитал—уставный капитал, очень часто имеет лишь отдаленное отношение к основному капиталу в экономическом значении этого слова, т. е. к ценности зданий, машин и оборудования.

Выведение суммы чистой прибыли и определение величины дивиденда определялось, преимущественно, теми соображениями, чтобы ускользнуть от фискальных требований, настаивающих повышенную прибыль, провести определенную политику по отношению к акционерам и учесть требования биржи и ее расценок. При таком положении вопроса итоги статистики акционерных предприятий имеют лишь очень условное значение и далеко не всегда могут рассматриваться, как материал для определенных выводов экономического характера.

После этих общих предварительных замечаний, приведем основной статистический материал по данному вопросу.

Сведения об акционерных предприятиях в Донецком Бассейне за 1911 г. (тыс. пуд.).

	Число предпр.	Добыто кам. угля	Производ. кокса	Выплав. чугуна	Производ. гот. жез. и стали	Произвед. мет. изделий	Добыто жез. руды	Добыто кам. соли	Капитал акцион. или основн. в тыс. руб.	% выданного дивиден. к акц. капиталу
1. Каменноуг. предпр. (в том числе и с произв. кокса) и антрацитовые без других производств										
а) прибыльные . . .	18	285038	53.900	—	—	—	—	—	38.650	1,54
б) убыточные . . .	7	71.109	22.819	—	—	—	—	—	21.952	—
Итого . . .	25	356147	76.719	—	—	—	—	—	60.602	0,90
2. Домешние заводы (с добыч. угля, руды и с произв. кокса)										
а) прибыльные . . .	8	190048	36.268	83.707	53.262	3.784	145046	—	97.378	6,19
б) убыточные . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	8	190048	36.268	83.707	53.262	3.784	145046	—	97.378	6,19
3. Каменноуг. предпр. с добычей кам. соли										
а) прибыльные . . .	1	40.633	4.124	—	—	—	—	16.162	9.000	3,40
б) убыточные . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	1	40.633	4.124	—	—	—	—	16.162	9.000	3,40

В этой таблице не следует обращать внимания на абсолютные цифры последних двух граф, ввиду тех замечаний методологического характера,

которые были высказаны в предыдущем изложении. Однако, сравнивая цифры последней графы приведенной таблицы, мы легко устанавливаем тот факт, что повышенной доходностью обладают смешанные предприятия, Gemischte Werke, построенные по принципу именно вертикальной концентрации, причем наиболее рентабельной комбинацией представляется соединение каменноугольного и металлургического предприятия с железорудным делом. Это положение, достаточно известное в теории картелей и трестов, иллюстрирует ту тенденцию к комбинированному, „интегрированному“ хозяйству, которая характеризует экономику Донецкого Бассейна в предвоенный период. Это—стремление доменных заводов обзавестись копиями коксующегося угля и железными рудниками, о котором отчасти упоминалось в предыдущей главе.

Такая „тяга“ металлургических предприятий к коксу может быть иллюстрирована данными нижеследующей таблицы:

	1902 г.	1907 г.	1912 г.
1. Общая добыча мин. топлива в м. п.	654,90	1.060,53	1.304,56
2. Добыча смеш. предприятий (кам. угольн. копей с заводами) в мил. пуд.	89,91	184,14	319,29
3. Прог. отношение 2 к 1	13,72	17,36	24,47

Отсюда видно возрастание роли и значения каменно-угольно-металлургических комбинатов в промышленной жизни Донецкого Бассейна. Комбинированные предприятия играли большую роль в синдикатских организациях южной горной и горно-заводской промышленности; в то же время они принадлежали к числу наиболее крупных предприятий, по размерам их производительности.

Отсюда можно сделать вывод, что *вся предвоенная динамика южной горной и горно-заводской промышленности двигалась акционерными, крупными комбинатами, объединенными в организации синдикатского типа.* Это положение со всей очевидностью демонстрирует структурную высоту того типа капиталистического развития, который характеризовал наш горно-промышленный юг в до-военный период его развития. При этом, конечно, необходимо вспомнить то, что было отмечено выше, относительно роли и значения иностранного капитала на горно-промышленном юге.

Теперь переходим к анализу вопроса о себестоимости, о составе издержек производства. Снова напомним, что в области этого вопроса мы встречаемся в сугубой степени как с отсутствием достоверного материала так и с недостаточностью методологии. Интимный характер такой стороны жизни промышленности, как определение себестоимости, калькуляция в условиях капиталистического режима делают все соответствующие подсчеты в высшей степени шаткими. Для надлежащего освещения вопроса следовало бы проникнуть в архивы, если не отдельных предприятий, то во всяком случае, таких организаций, как „Продуголь“, „Продамета“, Совет Съезда Горнопромышленников Юга России и др. Однако, если доступ к этим архивам был затруднителен и в до-революционное время, то уж во

всяком случае после революции нет никаких оснований возлагать серьезные надежды на такие архивы. В частности, нам известно, что растерянный архив „Продамцы“, и значительнейшая часть архива Совета Съезда Горнопромышленников юга России была уничтожена в 1920 году на переработку в бумагу.

При таких условиях нечего удивляться, что имеющийся в нашем распоряжении, по преимуществу, литературный материал по этому вопросу отличается недостаточностью и противоречивостью.

Приступая к характеристике этого материала, прежде всего остановимся на попытке проф. В. И. Гриневецкого в его книге „Послевоенные перспективы русской промышленности“.

В начале этой книги мы находим главу „Реальные данные прошлого русской промышленности“, где на стр. 10 трактуется вопрос о „структуре русской крупной промышленности в 1908 году“, на основании обследования, предпринятого по постановлению Государственной Думы и опубликованного в 1912 г. в виде сборника под названием „Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской Империи в 1918 г.“*).

Результаты анализа проф. Гриневецкого изложены на стр. 11 в виде графика и охватывают разные отрасли промышленности.

Основные результаты этого анализа могут быть представлены в таком виде (цит. соч. стр. 10—13).

Проф. Гриневецкий разделяет всю крупную русскую промышленность на пять групп: горное дело, металлическое производство, текстильное производство, пищевое производство, разные производства.

При этом четыре группы—горное дело, металлических, пищевых и разных производств имеют каждая, приблизительно, по одной шестой общего числа рабочих, отличаясь одна от другой иногда вдвое по стоимости производства. Таковы горное дело и пищевые производства, из которых первое имеет, естественно, минимальную долю расхода на материалы, а последние—максимальную, при очень несложной в некоторых отраслях переработке, например, в мукомольной промышленности. Текстильная промышленность, по числу рабочих, занимает первое место, имея одну треть общего их числа, а по сумме производства обнимает немного более $\frac{1}{4}$.

В своих расчетах проф. Гриневецкий к каждой группе русского производства относит соответствующую величину иностранного ввоза за 1908 г. включая пошлину. Из общей суммы иностранного ввоза выделены материалы и двинуты в общий расход на материалы, распадающийся, т. о., на материалы русские и материалы иностранные; последние в некоторых отраслях составляют половину, в текстильных производствах—47%.

*) Проф. В. И. Гриневецкий именно это обследование считает совершенно правильно „наиболее полным и систематизированным“. На этом же обследовании построено изложение в моих „Очерках экономического описания России“.

На своей диаграмме (стр. 11) проф. Гриневецкий изделия и фабрики, ввозимые из-за границы, надстраивает над суммой русского производства (а не распределяет по статьям расхода, как это он делает относительно материалов), причем такое изображение ввоза иностранных изделий и фабрикатов делает наглядным соотношение иностранного ввоза и русского производства, достигающее, например, в металлическом производстве 35%.

В группе пищевых производств иностранный ввоз дает 26% русского производства (колонияльные товары).

Отдельные статьи расхода дают такую картину по отдельным отраслям производства.

Рабочая плата, в среднем, для промышленности, составляет 16% общего расхода, достигая минимума (5%) в пищевом производстве и поднимаясь до 29% в горном деле и металлическом производстве.

Валовая прибыль русской крупной промышленности составила, по исчислениям проф. Гриневецкого, около 400 милл. руб. или $\frac{2}{3}$ заработной платы. Низшие цифры прибыли приходятся на горное дело (8%), металлическое производство (9%) и текстильное производство (9%), высшие цифры—на пищевое и разные производства (по 10%).

«Из всей валовой прибыли более одной трети должно быть уделено на погашение и возобновление основного капитала производства и лишь остальная часть является чистой прибылью капиталиста и фондом для повышения заработной платы». (id, стр. 13).

Накладные расходы в графиках проф. Гриневецкого показаны для всей русской промышленности в сумме 16%, причем в горной промышленности этот процент опускается до 14%, а в метал. производстве поднимается до 20%. Далее следуют расходы на топливо, которые проф. Гриневецкий считает (прибавляя сюда некоторую часть нераспределенных расходов горного дела), вместе с накладными расходами, в сумме около 900 милл. руб. или до 150% рабочей платы.

«В отдельных группах расходы накладные и на топливо—от 120% в текстильных производствах, и 125% в металлических—до 350% в пищевых» (id, стр. 13).

«Расход на материалы составляет, включая незначительную долю нераспределенных расходов горного дела, около 1.800 мил. руб. или 48% от всей суммы, втрое превышая расход на рабочую плату. Здесь резко сказывается проделанное выше исключение внутреннего товарооборота, ибо обследование 1908 года исчисляет затрату на материалы свыше 2.600 мил. руб. Доля материалов в общей стоимости производства составляет от 67% в пищевых, до 27% в металлических и еще ниже, очевидно, в горном деле» (id).

Этот анализ, рисующий общую картину структуры нашей промышленности, представляет во многих отношениях значительный интерес и ценность, но для непосредственно нас интересующей задачи—выяснения группировки издержек производства в южной горной и горнозаводской промышленности—представляется явно недостаточным. Во-первых, графики

проф. Гриневецкого именно по группе горной промышленности содержат значительную массу т. н. „нераспределенных расходов“, дифференцирование которых может внести существенные поправки если не в общие итоги, то во всяком случае—в итоги, касающиеся горной промышленности. Далее, группа горной промышленности включает разные виды промышленности и различные районы, а не только наш юг; „металлические производства“ проф. Гриневецкого включают, конечно, не только южную металлургию, но всю металлообрабатывающую промышленность также и прочих районов. Наконец—и это самое главное—значительная доля специфических расходов горной промышленности, связанных с „фиксированной“ формой затрат ее капитала, с владением недрами и т. д.—повидимому, не нашла отражения в расчетах проф. Гриневецкого.

Другие исследователи данного вопроса, специально выясняющие элементы себестоимости донецкого топлива, совершенно определенно подчеркивают именно эту сторону проблемы.

Так, горн. инж. Ф. А. Расинский, в своей работе начала девятисотых годов *), вычисляет на основании отчетов 23 предприятий Донецкого Бассейна, размеры затрат на устройство копей Донецкого Бассейна, в среднем в размере 23,785 коп. на каждый пуд добываемого топлива. Соответствующие затраты в Вестфалии равняются лишь 9,468 коп.

Объясняется это, с одной стороны, свойствами залегания угля в Донецком Бассейне, не позволяющими сосредоточить добычу, с другой—необходимостью строить поселки и связанные с ними больницы, бани, школы, церкви, а также отсутствием горной свободы, вызывающим дорого стоящее отчуждение недр. Так, возникающая копь, с предполагаемой добычей в 10.000.000 пуд. в год, нуждается в колонии не менее, как на 1000 рабочих, из которых около половины потребует семейных домов, другая половина—казарм. Стоимость принятых в Донецком Бассейне жилых помещений для рабочих обходится для семейного рабочего 500 руб., и для холостого (казарма) 150 руб. Принимая количества семейных и холостых равными, затраты на постройку жилья для одного рабочего в среднем, выразится $(500+150) : 2 = 325$ рублей, что для 1000 рабочих составит 325.000 руб. Добавляя к этому стоимость больницы 10.000 р. школы 10.000 руб. и бани 8.000 руб., получим, что для упомянутого предприятия устройство поселка обойдется в 353.000 руб., что на пуд добываемого угля составит 3,53 коп. **).

Нижеследующая таблица, приводимая инж. Фертнером на стр. 13 его брошюры, дает сравнительное представление о величине этих затрат в Донецком Бассейне и в Вестфалии.

*) Ф. А. Расинский „Стоимость производства каменного угля в Вестфалии“, (Вестник Финансов, 1901 г., № 43).

**) Ф. Р. Фертнер „Нужен ли донецкой угольной промышленности синдикат“, стр. 10—11.

Затраты на устройство предприятия на 1 пуд добываемого угля.

	Донецкий Бассейн	Вестфалия
1) на отчуждение недр	8,253	3,920
2) на сооружение и оборудование копи	14,830	5,548
3) на организацию предприятия	0,702	—
Итого на 1 пуд. добыв. угля	23,785	9,468

Почти к тому же времени относится исследование Былим-Колоссовского, относящееся к 1890—1899 г. и к деятельности четырех предприятий Донецкого Бассейна*). Согласно этому обследованию, затраты на устройство каменноугольных предприятий Донецкого Бассейна падают на 1 пуд. топлива в следующих размерах:

1890 г.	25,6 коп.	1895 г.	24,9 коп.
1891 г.	21,2 „	1896 г.	26,3 „
1892 г.	20,3 „	1897 г.	21,7 „
1893 г.	25,0 „	1898 г.	24,6 „
1894 г.	23,4 „	1899 г.	25,9 „

Заканчивая обсуждение этой стороны вопроса, инж. Фертнер**) приходит к выводу, что при основании каменноугольного предприятия необходимо затратить, на каждый пуд добычи, 1,981 коп. на оборотные средства и 23,785 коп. (согласно расчетам Расинского) на основные средства, при чем по источникам происхождения эти цифры распределяются таким образом:

а) основного капитала	15,940 коп.
б) запасного „	1,959 „
в) капит. погашения	1,099 „
г) долгоср. займов	6,768 „
	<u>25,766 коп.</u>

Таковы первоначальные затраты; конечно, на себестоимость годовой добычи они ложатся лишь в пределах амортизируемой части.

Переходя от капитальных затрат к эксплуатационным расходам, получаем нижеследующую картину.

Денежная стоимость рабочей силы на пуд угля определяется в брошюре инж. Фертнера из сопоставления следующих элементов этой величины. Средняя производительность одного рабочего за период времени 1902—1906 г.г.—8,887 пуд. в год***), средний заработок одного рабочего****) за период времени 1904—1907 г.г.—302,51 руб.

*) См. статью Былим—Колоссовского в „Вестнике Финансов“, 1901 г. № 47.

**) Фертнер „Нужен ли донецкой угольной промышленности синдикат“, стр. 12.

***)) Соответствующие цифры для иностранных горнопромышленных районов: Дортмунд — 11.728, Нижн. Силезия — 13.370, Верхн. Силезия — 23.138, Великобритания—15—20 тыс. пуд.

****) Определенный на основании сведений о пострадавших при несчастных случаях.

Отсюда на 1 пуд угля приходится 3,404 коп. По данным, приводимым инж. Фертнером,*)

в Англии средняя стоимость рабочей силы за 17-летний период с 1886 г. по 1902 г. составляет 3,620 и колеблется от 2,528 в 1887 году до 4,477 коп. в 1901 г. За последнее трехлетие 1903, 1902 и 1901 г.г. стоимость эта не спускалась ниже 4-х копеек, именно она составляет 4.386, 4.119 и 4.477

При этом, однако, инж. Фертнер замечает в дальнейшем, что т. к. в Донецком Бассейне кроме денежной платы рабочий получает еще вознаграждение натурой (квартира, лечение и обучение детей) „получим что стоимость рабочей силы такая же как и на Западе“, причем, однако, этот вывод не подкрепляется соответствующим фактическим материалом

Стоимость обучения детей рабочих инж. Фертнер определяет в 0,022 к. на пуд, расходы на медицинскую помощь—0,103 коп. Такой же величиной (0,103 коп. на пуд) инж. Фертнер определяет то, что он называет „стоимость интеллигентного труда“, т. е. вознаграждение служащим.

Далее, на основании материалов Статистического Бюро Совета Съезда промышленников юга России, стоимость *основных материалов* определяется таким образом:

Чугун, железо, сталь, мет. изделия . . .	0,185 коп. на 1 пуд.
Крепежный лес	0,454 „ „ „
Взрывчат. материал	0,078 „ „ „
Разные	0,487 „ „ „
	<hr/> 1,248 коп. на 1 пуд.

В дальнейшем изложении инж. Фертнер определяет величину расходов южной каменноугольной промышленности по уплате *налогов* в размере 0,319 коп., расходы по исполнению закона 2 июня 1903 г. о *вознаграждении пострадавших при несчастных случаях*—0,75 коп., стоимость *топлива* (отопление котлов, квартир служащих и рабочих, отопление паровозов)—0,425 коп. на пуд.

Особое внимание уделяется вопросу о расходах на *погашение*. По словам Фертнера проф. Лутугин определяет богатство Донецкого Бассейна в 210 миллиардов пудов горючего ископаемого, что составляет в среднем около 1.400.000 пуд. на десятину. В настоящее время углепромышленные предприятия имеют в эксплуатации около 250.000 десятин своей и арендованной земли. Запас в них угля таким образом можно определить в 35 миллиардов пудов. При выработке 1,2 миллиарда в год, запасов хватит на 30 лет и потому все средства производства должны быть погашены, при условии их постоянного возобновления, т. е. постоянной готовности к продуктивной работе в течение 30 лет. И поэтому фактически их ценность каждый год уменьшается на $3,3\frac{1}{3}\%$, или другими словами каждый

*) Фертнер, цит. брошюра, стр. 16—17.

пуд топлива, добытого угольным предприятием, уносит с собой $\frac{1}{30}$ той доли стоимости производительного аппарата, основанного для разработки горючего, которая приходится на 1 пуд продукта. Вследствие этого на стоимость пуда угля складываются:

Недра	$8,253 \times 3,3\%$	0,2723 коп.
Орган. предпр.	$0,702 \times 3,3\%$	0,0232 „
Колония для раб.	$3,53 \times 3,3\%$	0,1165 „
Средства произв.	$11,3 \times 3,3\%$	0,3729 „
		<hr/> 0,7849 коп.

Суммируя все элементы себестоимости, пр. Фертнер получает след. таблицу:

	Коп. на 1 пуд угля.
а) рабочая сила	3,404
б) школы	0,022
в) лечение рабочих	0,103
г) материалы	1,248
д) интел. труд	0,303
е) налоги	0,319
ж) погашения	0,785
з) топливо	0,495
и) расходы по закону 2 июня 1903 г.	0,250
<hr/>	
Итого	6,929

Чтобы от этой цифры подойти к рыночной цене товара, необходимо прибавить: 1) прибыль на капитал; 2) расходы на организацию торговли (расходы по продаже); 3) гербовый сбор.

Если определить вознаграждение капитала в размере 8% для основного и 5% для оборотного, то получим следующий расчет (Фертнер, стр. 23)

Капитала	На 1 пуд угля	% 0/0	Требования капитала
основного	15,940	8% 0/0	1,2752
запасного	1,759	5% 0/0	0,0880
погашения	1,099	5% 0/0	0,0550
долгоср. займы	6,768	5% 0/0	0,3384
<hr/> Итого		25,566	6,87% 0/0 1,7566

Расходы по продаже определяют Фертнером в размере 0,25 коп с пуда, расходы по оплате гербового сбора—0,036 коп.

Заключительная таблица Фертнера дает нам след. картину:

себестоимость 1 пуда угля	6,929 коп.
оплата капитала	1,757 „
расходы по продаже	0,250 „
гербовый сбор	0,036 „

8,972 коп.

Метод, принятый инж. Фертнером, избавляет его от необходимости вводить в калькуляцию такие расходы, как ремонт, подготовительные работы и т. п., „так как эти расходы заключаются в элементах стоимости рабочей силы и стоимости материалов“ (цит. брошюра, стр. 18).

Конечно, абсолютные цифры, фигурирующие в расчетах инж. Фертнера, нас не могут особенно интересовать: их трудно проверить во многих случаях, во многих случаях они могут вызвать возражения, с чем считается и сам Фертнер в примечании на стр. 24 своей брошюры.

Нас интересуют в данном случае прежде всего соотношения между отдельными элементами себестоимости, распадение ее на постоянную и переменную части—вопрос, который мы считаем основным при изучении структуры народного хозяйства в целом и его отдельных отраслей.

Эта теория строения издержек производства представляет собою новую и еще мало разработанную отрасль знания не только в России, но и за границей. С точки зрения основных положений этой теории, все издержки производства могут быть разбиты на две крупные группы: а) фиксированные издержки производства, куда относится оплата процентов и погашения основного капитала; некоторые виды налогов (реальное обложение), известная часть оплаты рабочей силы (заработная плата рабочих, задолженных не по производству) и, наконец, значительнейшая часть оплаты правления и высшей администрации; размер фиксированных издержек производства не изменяется пропорционально с размерами самого производства; б) переменные издержки производства, размер которых изменяется пропорционально с увеличением или уменьшением производства. Сюда относятся расходы на сырье и материалы, расходы на заработную плату рабочим, занятым по производству и нек. др.

Чем выше фиксированные издержки производства, тем ярче выражена *Kartellierungsfähigkeit* данной отрасли промышленности, тем „податливее“ эта отрасль промышленности для всякого рода регулирующей политики—все равно, коллективно-капиталистических объединений или государства.

Основные моменты, характеризующие эту точку зрения, излагаются мною в моих лекциях, были подвергнуты некоторому анализу в моей книге „Очерки экономического описания России“, а также в моей статье об экспортной политике картеллей в *Kartell Kundschau*.

Наконец, в применении к горной промышленности, этот вопрос был проверен на фактах конкретной экономической действительности Донецкого Бассейна в первом томе моей „истории горной и горнозаводской промышленности юга России“. При защите основных тезисов этой книги, представленной в качестве диссертации, я подробно остановился на проблемах теории издержек производства.

Грубо анализируя данные нашей фабрично-заводской статистики по обследованию 1908 года, я (в своих „Очерках экономического описания России“) установил, что средний процент фиксированных издержек производства для русской промышленности вообще составляет 12,67%.

Выше этого процента мы находим уровень издержек производства в химической и сахарной промышленности, которые, несомненно, отличаются повышенной тенденцией к объединению. Наоборот, в пищевой промышленности, а также в текстильной промышленности эта доля фиксированных издержек производства ниже общерусской средней, и соответственно этому данные отрасли промышленности отличаются минимальным тяготением к картеллированию *).

В таком виде представляются общие очертания теории строения издержек производства и ее приложение к анализу данных о нашей промышленности.

После этих общих замечаний обратимся к только что представленному нами материалу инж. Фертнера.

Среди отдельных элементов его исчислений можно наметить две статьи, с большим основанием относящиеся к числу фиксированных издержек: это—расходы на погашение и на оплату основного капитала, что составит 0,785 коп. + 1,2752 коп. = 2,0602 коп. или около 23% выведенной выше стоимости угля (8,972 коп.). Однако, эта цифра может и должна быть увеличена, вследствие того, что известная часть таких элементов себестоимости, как рабочая сила, материалы, интел. труд, налоги, топливо, погашение прочих частей капитала (кроме основного) и нек. др. — также должны быть отнесены к числу фиксированных издержек производства, правда, в количествах, не поддающихся цифровому определению, но все же, несомненно, повышающих указанный выше % (23%).

Снова и снова оговариваемся: все эти расчеты, даже в области относительных цифр, совершенно невозможно признать абсолютно точными. По существу дела и с методологической точки зрения очень трудно подойти к правильному определению себестоимости; к тому же, эти исчисления, которые мы находим в литературе, диктуются вовсе не любовью к истине, а соображениями более серьезного коммерческого характера: брошюра инж. Фертнера озаглавлена «Нужен ли донецкой угольной промышленности синдикат» и была издана при моральной и финансовой поддержке синдиката «Продуголь».

Однако, все же известная правда в исчисленных нами относительных величинах, несомненно, имеется. При сопоставлении установленного выше процента для горной промышленности с ранее названным процентом фиксированных издержек производства для всей русской промышленности явствует, что именно каменноугольная промышленность Донецкого Бассейна характеризуется повышенным (против средне-промышленных норм) процентом фиксированных издержек производства, что совершенно совпадает с результатами дедуктивного анализа и подтверждается, несомненно, сильным тяготением именно донецкой каменноугольной промышленности к образованию коллективно-капиталистических объединений.

*) Более подробные данные можно найти в моих „Очерках экономического описания России“.

Далее, можно отметить, что на стр. 111 и 147 первого тома нашей работы по истории южной горной промышленности процент фиксированных издержек производства для шестидесятих годов был исчислен в размере 9,4—10,6% и даже до 14,6% для глубоких шахт.

Как мы видим, эта величина значительно возросла—не менее, чем удвоилась—к концу девятисотых годов, что также находится в полном соответствии с перестройкой промышленности за этот период времени, с ее укрупнением—т. е. с теми изменениями ее, которые были отмечены в начале настоящей главы.

Это является, конечно, определенным подкреплением правильности наших исчислений процента фиксированных издержек производства как в первом томе нашей работы, так и изложенных в настоящей главе.

Последующая разработка вопроса о себестоимости минерального топлива Донецкого Бассейна мало прибавила принципиально нового и интересного к этим расчетам.

Так, анкетная комиссия Н. Н. Курмакова по выяснению этой величины себестоимости переходит к нижеследующим итоговым данным о себестоимости рядового каменного угля Донецкого Бассейна:

	коп. с пуда
Копи с добычей до 5 милл. пуд. в год	7,67
» » » от 5 м. п. до 10 м. п. в год	7,38
» » » свыше 10 милл. пуд. в год	8,23
	<hr/> 8,15

Эти цифры мы находим в „Материалах по пересмотру таможенного тарифа на донецкое минеральное топливо“ (по данным, оглашенным экспертом Министерства Торговли и Промышленности в комиссии Лангового по пересмотру таможенных тарифов *).

Приводя эти цифры, автор цитируемой нами записки **) присчитывает к ним 10 проц. «необходимой промышленной прибыли» и получает таким образом «среднюю стоимость донецкого угля на копях» в размере $8,15 + 0,815 = 8,965$ коп., т. е. очень близко к тем цифрам, которые были приведены выше.

Эти исчисления были представлены в комиссии по пересмотру нашего таможенного тарифа, подготовлявшей пересмотр торгового договора с Германией. Вполне естественно, что в результате таких выкладок у эксперта Министерства Торговли и Промышленности, работавшего в комиссии Лангового, явилось предложение понизить таможенную пошлину на уголь, привозимый в порты Черного и Азовского морей с 6 коп. до $1\frac{1}{2}$ коп. и лишь «из осторожности» в своих предложениях комиссии он повышал эту ставку до 3 коп.

*) Эти материалы составляют первое приложение к докладу Совета Союза экспертному Союзу горнопромышленников юга России в марте 1914 г. по вопросу „о пошлинах на ввозимое в Россию иностранное минеральное топливо и другие горнопромышленные продукты“.

**) Повидимому, гори. инж. Н. А. Корзухин, работа которого датировалась 1910 г.